

*Моя
прекрасная*
ЖЕРТВА

*Впервые
на русском!*

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

**Джейми
Макгвайр**

Джейми Макгвайр снова создала изумительную историю!
Из отзыва читателя на Amazon.com

Annotation

Фэйлин Фэйрчайлд не сразу осознала, какую страшную ошибку совершила. Осознав же, она бросила машину, колледж и родителей, сожгла за собой все мосты. Дочь будущего губернатора Колорадо теперь работает официанткой в захолустном кафе и после каждой смены кладет часть выручки в обувную коробку, надеясь купить однажды билет до города, который она не в силах забыть.

В тот момент, когда за столиком в кафе расположилась бригада пожарных и среди них высокий татуированный красавец, Фэйлин почувствовала, что начинаются проблемы. Даже если вывалить этого парня в грязи, он все равно останется невероятно обаятельным. Ну и что дальше? Попасть в длинный список побед заезжего сердцеда? Ага, именно этого и не хватает для полного счастья.

Вот только Тэйлор, один из пяти братьев Мэддокс, отсутствие интереса со стороны девушки всегда расценивал как нахальный вызов...

Джейми Макгвайр

Моя прекрасная жертва

* * *

*Моим европейским агентам
Ясмин Хенер, Катержине Фойту и Нине Мур*

Глава 1

Из маленького зала, набитого людьми, доносился гул – привычный и ровный, как шум костра. Чем ближе я подходила, тем громче звучали высокие и низкие ноты человеческих голосов. Уже пять лет я работала у Чака и Федры Найлс: изо дня в день обслуживала нетерпеливых голодных посетителей кафе «Пила». Иногда мне хотелось спалить это заведение, и все-таки я отсюда не уходила. Толпа, собиравшаяся здесь в обеденное время, действовала на нервы, зато я любила успокаивающую монотонность разговоров, кухонный жар и сладостное ощущение свободы, которое возникает у того, кто сжег за собой мосты.

– Фэйлин! – крикнул Чак. – Куда ты, черт возьми, подевалась?

Стараясь не капать потом в суп, он вытянул руку и помешал содержимое большого котла. Я кинула ему чистую тряпочку.

– И где это видано, чтобы в Колорадо было так жарко? – пожаловался он. – Я переехал сюда, потому что я толстый. А толстяки не любят пекло.

– Тогда, может, ты зря решил зарабатывать себе на жизнь, стоя у плиты?

Я взяла поднос: он был тяжелый, но раньше казался еще тяжелей. Теперь, если нужно, я могла вынести в зал сразу шесть полных тарелок. Попятившись, я задом открыла двустворчатую дверь.

– Ты уволена! – рявкнул Чак.

Отерев пот с лысины белой хлопчатобумажной тряпочкой, он бросил ее на середину разделочного стола.

– Сама ухожу!

– Не смешно! – Чак отстранился от пышущей жаром плиты.

Прежде чем войти в главный обеденный зал, я остановилась на пороге и окинула взглядом двадцать два столика и двенадцать барных стульев. Здешние и приезжие посетители заняли их все. Кто-то пришел с сослуживцами, кто-то с семьей. По сведениям Федры, за тринадцатым столиком сидела известная писательница со своей помощницей. Кёрби раскрыла передо мной подставку для подноса; чуть склонившись под тяжестью ноши, я благодарно подмигнула ей.

– Спасибо, дорогая! – Я взяла тарелку и подала Дону – моему первому постоянному гостю.

Никто из местных не оставлял мне более щедрых чаевых. Сняв свою неизменную фетровую шляпу, Дон поправил толстые очки и уселся поудобнее. Его защитная куртка была уже не новая – как и белая рубашка с галстуком, который он носил каждый день. Иногда в часы послеобеденного затишья он говорил со мной о Христе и жаловался, что тоскует по жене.

Потряхивая длинными темными волосами, собранными в хвост, Кёрби подошла к столику у окна и собрала грязную посуду в контейнер, который прижимала к бедру. Подмигнув мне, она исчезла на кухне, быстро выгрузила тарелки и чашки посудомойщику Гектору и вернулась за свою стойку при входе. Приветливо улыбнулась своими алыми от природы губами, почуяв дуновение от двери. Открытая стеклянная створка удерживалась крупной жеодой из коллекции Чака: он всю жизнь собирал минералы, и теперь у него их было несколько сотен.

Кёрби поприветствовала четверых вошедших мужчин, а я в это время обслуживала Дона.

– Разрежьте, пожалуйста, мясо прямо сейчас, – попросила я.

Меню Дону не требовалось. Каждый раз он заказывал одно и то же: салат со сметанно-майонезно-чесночной заправкой по-деревенски, соленья во фритюре, нью-йоркский стейк и фирменный чизкейк Феды с шоколадом и карамелью. Все это ему нужно было подавать сразу.

Заправив конец галстука под рубашку, Дон трясущимися костлявыми руками распилит сочный кусок говядины и коротко мне кивнул. Пока он молился перед едой, я отошла, чтобы взять с барной стойки графин сладкого холодного чая. Потом вернулась и наполнила стакан Дона золотистой жидкостью с кубиками льда. Дон сделал глоток и удовлетворенно вздохнул:

– Честное слово, Фэйлин! Обожаю чай Феды!

Кожа на его подбородке слегка обвисла, на лице и руках темнели пигментные пятна. После смерти своей жены Мэри Энн он осунулся.

– Знаю, – слегка улыбнулась я. – Чуть попозже я к вам подойду.

– Ты молодчина! – крикнул Дон мне вслед.

Кёрби подвела вошедших мужчин к единственному свободному столу в моей части зала. Трое из четверых были покрыты копотью и потом. Единственный чистенький как будто случайно затесался к ним в компанию. Свежевымытая челка доходила до глаз. Работяги, с которыми он пришел, казались усталыми, но довольными: долгая тяжелая смена была позади. На их непрезентабельный внешний вид обратили внимание только туристы. Местные прекрасно знали, кто эти люди и зачем приехали: раз они в запыленных сапогах, а на коленях держат синие каски с эмблемой сельскохозяйственного управления, значит это пожарная бригада – возможно, из Эстес-Парка, из горного отдела.

В то лето в окрестностях городка постоянно вспыхивали пожары и лесная служба стягивала в наш район межведомственные отряды из других штатов – даже из Вайоминга и Южной Дакоты. Уже несколько дней над Колорадо-Спрингсом не рассеивалась дымка. На севере бушевали пожары, и огненно-красный шар солнца просвечивал вечерами сквозь серую завесу. Звезд я не видела с прошлой зарплаты.

– Что будем пить? – Я приветливо улыбнулась посетителям.

– А у тебя симпатичный причесочник! – сказал один.

Я опустила подбородок и вздернула бровь.

– Заткнись, Зик, и заказывай. Нас в любой момент могут сдернуть.

– Черт тебя подери, Тэйлор, – проворчал Зик и хмуро поглядел в мою сторону: – Принеси ему чего-нибудь пожевать. Он злой, когда голодный.

– Хорошо, – ответила я, уже начиная испытывать раздражение.

Тэйлор бросил на меня взгляд; в его теплых карих глазах мне почудилось что-то родное, и это было приятно. Он моргнул и принялся изучать меню.

В наш город довольно часто заносило привлекательных мужчин. Но эти красавцы с развитой мускулатурой и бронзовым загаром исчезали, не успев отряхнуть с обуви пепел, и мне оставалось только любоваться ими издали. Уважающие себя местные девушки не встречались с заезжими парнями: никому не хотелось под конец сезона остаться одной – если не с животом, то с разбитым сердцем. Я видела немало бедняжек, брошенных пожарными или летчиками. Этим бродягам, по определению моего отца, Спрингс казался цветником, где их ждали отчаянные девчонки, готовые к любви на пару месяцев. Про меня родители говорили, что я самая образованная шлюха в городе. Так или иначе, дурочкой я не была.

– Начнем с напитков.

Я старалась говорить приятным голосом: заезжие ребята обычно оставляли хорошие чаевые.

– Трекс, ты что будешь? – спросил Зик у чисто одетого парня.

Тот безо всякого выражения посмотрел на меня из-под влажных вьющихся волос:

– Просто воду.

– Мне тоже. – Зик отложил меню.

Тэйлор снова поднял глаза. Белки ярко выделялись на покрытой грязью физиономии. Его коротко стриженные темные волосы были того же теплого оттенка, что и глаза. Лицо казалось добрым, но кожа на руках пестрела всевозможными татуировками, каждая из которых, похоже, появилась по какому-то особому случаю.

– У вас есть сладкий чай? – спросил Тэйлор.

– Да, со льдом. Принести?

Он кивнул и вопросительно посмотрел на мужчину напротив:

– Долтон, ты что возьмешь?

– У них нет вишневой кока-колы, – пробормотал Долтон насупившись и спросил, посмотрев на меня: – Почему в этом чертовом штате Колорадо ни у кого нет вишневой колы?

Тэйлор облокотился о стол. Мускулы предплечий налились под испещренной татуировками кожей.

– Я с этим смирился, – сказал он. – Смирись и ты, старик.

– Я сама могу сделать вам вишневую колу.

– Это не то же самое. – Долтон бросил меню на стол. – Просто принесите воды.

Я забрала меню и наклонилась к его лицу:

– Конечно, это не то же самое. У меня получается лучше.

Когда я уходила, за моей спиной раздавалось хихиканье.

– Ого! – сказал кто-то.

По пути к бару я остановилась у столика Дона:

– Все в порядке?

– Угу, – промычал Дон, жуя стейк.

Он уже заканчивал свой обед. Все остальные тарелки, кроме блюдечка с чизкейком, были дочиста выскоблены. Я похлопала его по тощему плечу и пошла заниматься напитками. Два пластиковых стаканчика наполнила водой со льдом, один – холодным сладким чаем. Потом начала готовить вишневую колу для Долтона.

Федра выглянула из двустворчатой двери и, нахмурившись, кивнула в сторону людей у входа.

– У нас очередь? – спросила она, вытирая руки о полотенце, повязанное вокруг талии вместо фартука.

Федра родилась и выросла в Колорадо-Спрингсе. С Чаком познакомилась на концерте. Она была самой настоящей хиппи, он тоже пытался хипповать. Когда-то они вместе сидели на митингах в защиту мира, а теперь управляли самым популярным в городе кафе. Один ресторанный гид назвал «Пилу» лучшим местом для обеда в Колорадо-Спрингсе. При виде гостей, стоящих у двери, Федра всегда очень нервничала.

– Если у нас хорошо кормят, это естественно, что людям приходится ждать. Наплыв посетителей – это же здорово! – сказала я, подмешивая к кока-коле свой особый вишневый сироп.

Федра носила длинные волосы цвета соли с перцем, разделяя их на пробор и собирая в кудрявый пучок. Веки казались тяжелыми из-за морщин на оливковой коже. Любой, кто знал эту миниатюрную женщину, вскоре убеждался: стоит ее разозлить, и она превратится в медведя. Федра мечтала о том, чтобы все жили мирно и порхали, как бабочки, но не собиралась терпеть абсолютно ничего, что ей не нравилось.

– Наплыв посетителей продлится недолго, если их не будут принимать по-людски!

С этими словами она бросилась к входной двери – извиниться перед ожидающими и пообещать им, что места скоро освободятся.

Гость за двадцатым столиком как раз подписал чек. Федра подскочила к нему, поблагодарила и сама убрала посуду. Потом жестом велела Кёрби усадить пришедших.

Я погрузила напитки на поднос и направилась в другой конец зала. Пожарные все еще разглядывали меню. Значит, до сих пор не решили. Я мысленно выругалась.

– Вы пока не готовы сделать заказ? – спросила я, расставляя стаканы.

– Я заказывал воду, – проворчал Долтон, поднимая свою вишневую колу и хмуро ее разглядывая.

– Попробуйте. Если не понравится, принесу воды.

Он сделал глоток, потом еще один и выпучил глаза:

– Тэйлор, она правду сказала. Это лучше, чем фабричное пойло.

Тэйлор посмотрел на меня:

– Тогда и мне принесите.

– Хорошо. Что будете есть?

– Нам горячие бутерброды с индюшатиной и специями.

– Всем? – с сомнением спросила я.

– Всем. – Тэйлор возвратил мне заламинированный листок.

– Отлично. Сейчас сделаю вам вишневую колу, – сказала я и пошла проверять другие столики.

Гул голосов множества посетителей отражался от оконных стекол и возвращался прямо к барной стойке, за которой я готовила напиток для Тэйлора. Кёрби, поскрипывая туфлями, прошла через зал, выложенный оранжевой и белой плиткой. Федра обожала все яркое и хулиганское: смешные фотографии, побрякушки, вывески. Интерьер был эклектичен, как и сама хозяйка заведения.

– Можешь не благодарить, – сказала Кёрби, заправляя блузку под юбку.

– Ты имеешь в виду подставку для подноса? Я тебя уже поблагодарила.

– Я имею в виду компашку знойных пожарных, которых усадила за твой стол.

Кёрби едва исполнилось девятнадцать, и щеки у нее до сих пор были по-детски пухлые. Сама она еще в школе начала встречаться с Гуннарсом Моттом, а меня упорно пыталась познакомить с каждым мало-мальски приличным мужчиной, который входил в дверь нашего кафе.

– Нет, – просто ответила я. – Мне они неинтересны, так что брось свое дурацкое сводничество. Кстати, они не пожарные, а пожарная бригада сельскохозяйственного управления.

– Есть разница?

– И большая. Начнем с того, что они тушат пожары не в городе, а в лесу. Проходят многие километры по пересеченной местности и таскают за собой свое оборудование. Работают двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Где бы ни загорелось, лезут

туда, пилят упавшие деревья, копают пожарозащитные линии...

Кёрби посмотрела на меня: моя речь не произвела на нее впечатления.

– Не вздумай что-нибудь им про меня сказать, – предупредила я. – Серьезно.

– Почему? Они, все четверо, такие симпатичные! Беспроигрышный вариант!

– Потому что сваха ты фиговая! Даже не пытаешься вникнуть, какие парни мне нравятся. Просто норовишь свести меня с каждой второй особью мужского пола, чтобы опосредованно реализовать свои фантазии. Помнишь, как в прошлый раз я из-за тебя целый вечер убила на какого-то мерзкого туриста?

– Он был сексуальный... – мечтательно протянула Кёрби.

– Он был занудный! Без умолку болтал о себе, о тренажерном зале... и снова о себе.

– Тебе двадцать четыре года! – продолжала наступать Кёрби. – Можно и потерпеть часок нудной болтовни ради трех часов обалденного секса.

– Фу! Прекрати!

Я наморщила нос и покачала головой, невольно представив себе тошнотворную беседу с использованием слов типа «повторы» и «протеин». Как только я поставила на поднос стакан Тэйлора, из кухни донесся голос Чака:

– Фэйлин! Твой заказ!

Я подскочила с подносом к раздаточному столику: на полке в стене между баром и кухней стояли тарелки для тринадцатого столика. Я подхватила их, почувствовав руками жар обогревательных ламп, и понесла. Писательница и ее помощница едва на меня взглянули, когда я поставила перед ними салат из говядины с сыром фета и сэндвич с курицей.

– Это то, что вы заказывали?

Писательница кивнула, не отрываясь от разговора, и я понесла вишневую колу пожарным. Когда я уходила, один поймал меня за запястье. Я обернулась и сердито посмотрела на того, кто себе это позволил.

– Можно соломинку? – попросил Тэйлор, поежившись под моим взглядом. – Пожалуйста.

Я медленно достала из фартука пластиковую трубочку и протянула ему. Потом развернулась и один за другим обошла все свои столики.

Дон доел чизкейк и, как обычно, оставил двадцатку. Писательница оставила вдвое больше. Пожарные подписали чек, едва округлив его до следующего доллара. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не скомкать и не растоптать эту бумажку. «Жмоты!» – пробормотала я себе под нос.

До конца дня я едва успевала поворачиваться. С тех пор как ресторанный гид включил «Пилу» в свой список, так было всегда. Проходили часы, я обслуживала других пожарных, и все они оставляли приличные чаевые. Я никак не могла забыть обиду, которую причинили мне те четверо: Тэйлор, Зик, Долтон и Трекс. Пятьдесят один цент! Надо было догнать их и швырнуть им сдачу!

Зажглись фонари. Из наших окон я видела горожан и туристов, идущих вниз по улице к двухэтажному бару в стиле Дикого Запада. Девушки, многим из которых едва исполнился двадцать один год, шли группками. На них были высокие ботинки и короткие юбки: ночь стояла теплая. Вообще, открытую одежду в нашем городе носят не только в августе. Не успеет закончиться зима, многие местные уже начинают разоблачаться.

Я подошла к стеклянной двери, чтобы повесить на нее табличку «Закрыто», и вдруг отпрянула. С другой стороны передо мной возникла чья-то физиономия. Это был Тэйлор –

один из тех пожарных, которые взбесили меня грошовыми чаевыми. Я не успела совладать с лицом: мои глаза сузились, а рот расплылся в ядовитой ухмылке. Тэйлор вытянул вперед руки. Из-за двери донесся его приглушенный голос:

– Я знаю. Слушай, ты извини. Я собирался оставить наличные, но нас срочно вызвали, и я забыл. Нам вообще не стоило заходить в город, пока наша бригада дежурит, но меня уже тошнит от гостиничной еды.

Без семи слоев грязи я с трудом его узнала. Теперь, когда он переделся во все чистое, его, пожалуй, можно было назвать привлекательным.

– Не стоит беспокоиться, – я повернулась в сторону кухни.

– Эй! – Тэйлор постучал в стекло. – Барышня!

Я нарочито медленно оглянулась и склонила голову набок.

– Барышня? – повторила я, как будто выплюнув это слово.

Тэйлор опустил руки и, засунув их в карманы, сказал:

– Просто откройте, чтобы я мог отдать вам чаевые. А то меня совесть мучает.

– И правильно делает! – фыркнула я.

Обернувшись, я заметила, что Федра, Чак и Кёрби с любопытством за нами наблюдают. При виде их насмешливых физиономий я закатила глаза и снова повернулась к Тэйлору:

– Я оценила ваш жест, но мы уже закрылись.

– Тогда в следующий раз оставлю двойные чаевые.

Я равнодушно покачала головой:

– Как хотите.

– Может, я... э-э-э... приглашу вас поужинать? Чтобы поймать двух зайцев.

Я вздернула бровь. Тэйлор перевел взгляд в сторону. Прохожие, заинтересованные этой сценой, замедляли шаг.

– Нет, спасибо.

– Вы так реагируете, будто я черт знает какой засранец, – усмехнулся он. – На самом деле я, конечно, облажался, но... Просто вы меня отвлекли.

– Ах, так я сама виновата, что осталась без чаевых? – спросила я, положив руку на грудь.

– Ну... вроде того.

Я устремила на Тэйлора испепеляющий взгляд:

– Ты не просто засранец! Ты самый мерзкий засранец из всех, кого я видала!

По лицу парня медленно расплылась широкая улыбка. Он прижал обе ладони к стеклу:

– Так, значит, ты идешь со мной ужинать?

– Убирайся в задницу!

– Фэйлин! – прошипела Федра. – Ради бога!

Я подняла руку и выключила наружный свет, оставив Тэйлора в темноте. Меня все еще ждала швабра и желтое ведро, которое я наполнила горячей мыльной водой перед тем, как меня бесцеремонно отвлекли.

Повернув ко мне голову, Федра укоризненно поцокала. Потом подошла к двери, повернула в замке ключ до щелчка и бросила связку в карман фартука. Чак, пригнувшись, нырнул в кухню, а мы с Кёрби принялись убираться в зале. Метя пол под шестым столиком, она покачала головой:

– Ты об этом пожалеешь.

– Вряд ли. – Я достала из передника большой кубик жвачки и запихнула в рот.

Лицо Кёрби погрузнело. Трудно было понять, огорчена ли она из-за меня или просто

устала спорить.

Мои старые добрые наушники встали на свои места как влитые, и низкий голос солиста группы «Хиндэ» мягко потек по проводам. Слушая музыку, я мыла кафельный пол. Деревянная ручка швабры неизменно оставляла на моих ладонях как минимум одну занозу. И все-таки это занятие я ненавидела не так сильно, как обязательные уроки игры на пианино три раза в неделю. Работать официанткой было лучше, чем во избежание публичного порицания каждые несколько часов отчитываться о своих передвижениях, и уж конечно лучше, чем ходить в медицинский колледж. Я ненавидела болеть сама и находиться рядом с больными людьми. Кровь, моча – от всей этой физиологии мне становилось тошно. Только моим говнюкам-родителям могло прийти в голову сделать из меня медика.

Во время двухсекундной паузы между песнями я услышала стук в стекло. Вытащив наушники, подняла глаза и застыла: на тротуаре стоял доктор Уильям Фейрчайлд, бывший мэр Колорадо-Спрингса. Он продолжал стучать костяшками по витрине, хотя я его уже заметила.

– Черт, вот дерьмо! – прошипела Кёрби. – Фэйлин!

– Вижу. И его, и ее, – сказала я, с прищуром глядя на малорослую блондинку, примостившуюся возле внушительного доктора Фейрчайлда.

Федра тут же подошла к входной двери, отперла и открыла ее, но приглашать незваных гостей внутрь не стала.

– Здравствуйте, доктор Фейрчайлд. Мы вас не ждали.

Он поблагодарил ее и, сняв ковбойскую шляпу, попытался войти:

– Я только поговорю с Фэйлин.

Федра преградила ему путь, опершись рукой о косяк:

– Извините, Уильям, но, как я уже сказала, мы вас не ждали.

Доктор Фейрчайлд моргнул и поглядел на жену.

– Фэйлин! – позвала она из-за его плеча.

На ней было дорогое серое платье-футляр, гармонировавшее по цвету с туфельками. Судя по ее наряду и по одежде ее мужа (он был в костюме и при галстук), они направлялись в ресторан на какую-то встречу. Женщина сделала шаг в сторону и прямо посмотрела на меня:

– У тебя найдется время, чтобы поговорить?

– Нет. – Я надула большой пузырь из жвачки.

Двустворчатая дверь кухни запахнулась. Появился Чак. Его руки были по локоть в мыльной пене.

– Здравствуйте, доктор Фейрчайлд! Здравствуйте, Блер.

– Зовите меня тоже доктором Фейрчайлд, – произнесла Блер, безуспешно попытавшись не показать виду, что такая фамильярность ее уязвила.

– Не хочу вас обидеть, – начал Чак, – но вам нельзя приходить сюда без предупреждения. Думаю, вы это знаете. Было бы хорошо, если бы в следующий раз вы сначала позвонили. Так всем будет спокойнее.

Блер уставилась на Чака. Очевидно, ей хотелось сделать так, чтобы он пожалел о своей неуступчивости.

– Там стоит какой-то молодой человек. Он ждет тебя, Фэйлин? – спросил Уильям.

Я бросила тряпку и выглянула на улицу, прошагав мимо Федры и своих родителей. Прямо возле нашей витрины стоял Тэйлор, держа руки в карманах джинсов и подпирая

плечом угол дома.

– Почему ты до сих пор здесь?

Парень выпрямился и раскрыл рот, чтобы ответить, когда Уильям указал на него пальцем:

– Это один из тех бездельников, которых направило сюда чертово земельное управление?

Увидев, как покраснелись щеки бывшего мэра и как засверкали его глаза, я почувствовала то своеобразное удовлетворение, которое испытывала, только когда по-настоящему злилась. Тэйлора выпад Уильяма не напугал.

– Это, наверное, твой папа? – спросил он, подойдя к нам поближе.

Мне вовсе не хотелось знакомить его с родителями. Я промолчала, не переставая раздраженно гонять по рту жвачку. Блер отвернула от меня лицо и раздраженно произнесла:

– Фэйлин, ты похожа на жующую корову.

Вместо ответа, я надула еще один пузырь, который громко лопнул. Парень уверенно протянул моему отцу руку:

– Тэйлор Мэддокс, сэр. Бездельник из Лесной службы Соединенных Штатов.

Судя по гордо поднятому подбородку, он рассчитывал произвести впечатление на чванливого осла, который стоял перед ним. Но расчет не оправдался. Уильям, кипя негодованием, переступил с ноги на ногу:

– Бродяга. А я-то думал, Фэйлин, что опуститься еще ниже ты уже не сможешь. О боже мой!

Тэйлор убрал руку обратно в карман и напряг челюсти, еле сдерживаясь, чтобы не дать отпор.

– Билл, – предостерегающе проговорила Блер и огляделась, проверяя, нет ли свидетелей, – сейчас не место и не время.

– Предпочитаю называться сезонным работником, – сказал Тэйлор. – Я из горной противопожарной бригады. Наша станция располагается в Эстес-Парке.

Приподняв широкие плечи, он глубже засунул руки в карманы – для того, видимо, чтобы убрать кулаки подальше от челюсти Уильяма. В этот момент отец заметил его татуировки:

– Ах, противопожарная бригада! Моя дочь связалась с болваном, который работает по найму на полставки – судя по виду.

Тэйлор усмехнулся, взглянув на свою правую руку:

– Мой брат – татуировщик.

– Ты ведь не хочешь сказать, что встречаешься с этим тунеядцем?

Как было ему свойственно, отец задал вопрос, не столько интересуясь ответом, сколько требуя его. Тэйлор посмотрел на меня. Я ухмыльнулась:

– Нет. Я хочу сказать, что мы любим друг друга.

С этими словами я подошла к парню, который, по-видимому, удивился не меньше моих родителей, и мягко поцеловала его в уголок губ.

– Завтра я освобождаюсь в восемь. Буду тебя ждать.

– Любой каприз, детка. – Тэйлор улыбнулся и привлек меня к себе, обняв за талию.

Уильям ослабилась. Блер легко прикоснулась к его груди, как бы говоря ему: «Не кипятись». Мне она сказала:

– Фэйлин, нам нужно поговорить.

Она смерила Тэйлора взглядом, подметив каждую татуировку на руках и каждую

дырочку на джинсах.

– Мы уже поговорили. – Стоя в обнимку с Тэйлором, я чувствовала себя уверенно. – Если у меня появится что-то для вас, я позвоню.

– Мы не общались несколько месяцев. По-моему, пора.

– А по-моему, ничего не изменилось.

– Изменилось многое. – Блер оглядела меня с головы до ног и снова посмотрела мне в лицо. – Ты выглядишь чудовищно.

Тэйлор отодвинул меня от себя, окинул взглядом и покачал головой в знак несогласия с последним утверждением. Блер вздохнула:

– Мы дали тебе возможность побыть наедине с собой и все обдумать. Но надо знать меру. Возвращайся домой.

– И его предстоящие выборы здесь ни при чем? – кивнула я в сторону отца.

Он негодуяще выпятил грудь. И у него еще хватает наглости притворяться оскорбленным!

– Я хочу, чтобы вы оба ушли, – скривилась я. – Сейчас же.

Уильям подался вперед и сделал шаг, готовясь к наступлению. Тэйлор принял стойку, чтобы при необходимости меня защитить. Раньше роль моего заступника перед родителями исполнял Чак, но, стоя рядом с этим парнем, я чувствовала себя как-то по-новому. Мы были едва знакомы, но он заслони́л меня собой и с вызовом глядел на моего отца. Мне давно не было так спокойно.

– Приятного вечера, господа, – сказала Федра, по-южному немного гнусавя.

Тэйлор взял меня за руку и провел мимо родителей внутрь кафе. Федра закрыла дверь перед носом Уильяма и под взглядом Блер повернула ключ в замке. Когда хозяйка «Пилы» исчезла в глубине обеденного зала, мои родители продолжили свой путь туда, куда изначально направлялись.

Чак скрестил руки и поглядел на Тэйлора. Тот смотрел на меня сверху вниз, хотя мой рост – пять футов и девять дюймов^[1].

– Ты сделала это только для того, чтобы позлить родителей?

– Да. – Я расправила передник и посмотрела Тэйлору в лицо.

– По-прежнему хочешь, чтобы я приехал за тобой к восьми, или это тоже было сказано для красного словца?

Я взглянула на Кёрби: она была в полном восторге от создавшейся ситуации.

– Это не обязательно.

– Ну же, – улыбнулся Тэйлор, сверкнув зубами, и на его левой щеке показалась глубокая ямочка, – я ведь тебе подпел. Ты могла бы, по меньшей мере, позволить мне угостить тебя ужином.

– Ладно, – ответила я, сдвув челку, которая лезла мне в глаза.

Потом развязала фартук, развернулась и пошла к себе.

– Она сказала «да»? – спросил Тэйлор.

– Лови момент, парень, – усмехнулся Чак. – До сих пор она никому этого не говорила.

Я взбежала по ступенькам на второй этаж, к себе в квартиру. Внизу щелкнул замок входной двери: Тэйлор вышел. Из моего окна, смотревшего на Техон-стрит, было видно, как он сел в свой грузовичок-пикап.

Я протяжно вздохнула: этот молодой человек был красив и обаятелен, но он приехал в город на один сезон. Я знала, что к чему, и не собиралась позволять ему сбить меня с толку.

Один ужин – это не страшно. После того как Тэйлор подыграл мне перед родителями, я чувствовала себя в некотором смысле в долгу перед ним. А закруглять отношения я уже научилась: один ужин – и все.

Я подставила пальцы под прохладную воду из душа. Трубы пели грустную песню, дрожа внутри тонких белых стен моей странноватой квартирki на чердаке над кафе «Пила». Казалось, вода никогда не нагреется.

Пол был устлан потертыми коврами. Когда газовая горелка не была зажжена, пахло жиром и плесенью. Но в месяц я платила двести долларов: если сравнить с другим жильем в Спрингсе, мой чердак доставался мне почти даром.

На стенах висели всякие безделушки, которые не подошли Федре для украшения зала. Из дома я не взяла ничего, кроме сумочки «Луи Виттон» и того, во что была одета. Даже если бы мне и захотелось прихватить еще какие-нибудь вещи, отец бы не дал.

Доктора Уильяма Фейрчайлда боялись и в больнице, и в семье. Не потому, что он вел себя агрессивно или отличался тяжелым нравом, хотя с последним я не стала бы спорить. Этот известный на весь штат Колорадо кардиолог был женат на докторе Блер Фейрчайлд – одном из лучших кардиохирургов в Северной Америке, а по совместительству моей матери. Медсестры наградили ее званием вселенской королевы стерв.

Мои родители были созданы друг для друга. А я вот не вписывалась в семью и постоянно разочаровывала их обоих. Перейдя в старшую школу, я познакомилась со своим лучшим другом и тайным утешением, что дарил мне радость и помогал снимать стресс. Это было дешевое пиво. Чем известнее становились мои родители, чем больше они упивались своей значимостью, тем сильнее я ощущала одиночество и стыд. Но похоже, мои чувства были недостаточно очевидны, чтобы мама с папой их заметили.

Из душа наконец-то потекла теплая вода, и я вернулась мыслями в настоящее.

– Не прошло и года, – сказала я сама себе.

Пуговица джинсов расстегнулась легко: от долгой носки петля была растянута. В голове крутилась тысяча мыслей. Уже раскрыв молнию, я поняла, что кое о чем забыла, и, громко выругавшись, бросилась к шкафу, который стоял в спальне. Из его нижнего отделения я извлекла обувную коробку и направилась с ней в кухню.

На пятнистой розово-серой столешнице лежал мой аккуратно свернутый фартук, а из его кармана выглядывала тоненькая пачка двадцаток и нескольких более мелких бумажек. Я открыла коробку: уже пять с лишним лет в ней хранились не кроссовки «Адидас» девятого размера, а письма, фотографии и деньги. Аккуратно положив туда половину чаевых, я снова спрятала свою сокровищницу в дальний угол шкафа. Потом вернулась на кухню и засунула оставшиеся купюры в простенькую черную сумочку, которую купила на распродаже вскоре после того, как продала виттоновский ридикюль по Интернету. К содержимому кошелек добавилось сто одиннадцать долларов. Это значило, что к концу следующей смены у меня будет чем заплатить за квартиру.

Удовлетворенно улыбнувшись, я пошла в ванную. За целый день работы майка прилипла к телу. Я сняла ее, легко сбросила поношенные белые кеды, вылезла из облегающих джинсов и швырнула их в угол.

Взглянув на большую кучу грязной одежды, я усмехнулась: в моей прежней жизни такого не было. Мои родители держали целый штат прислуги: экономку Ванду и трех горничных – Сицели, Марию и Энн. Кого-нибудь из них вполне могли уволить, если к вечеру в доме обнаружилось бы что-то нестираное. Стоило мне встать с кровати, мою постель

мгновенно убрали, а ношенные вещи в тот же день стирали, гладили и вешали в гардеробную.

Сняв трусы и влажные носки, я шагнула под душ, из которого неровным потоком струилась теплая вода. Периодически она становилась ледяной или, наоборот, обжигающе горячей (даже пар шел), но меня это не смущало.

Мусорное ведро переполнилось, стиркой я не занималась уже две недели, скопилась грязная посуда. При этом я собиралась преспокойно лечь спать. Никто не мог на меня наорать или прочесть мне лекцию о соблюдении порядка. Я безбоязненно ходила в незаправленных блузках и с растрепавшимися волосами. Здесь от меня не требовали совершенства. И на работе, и после работы мне не мешали быть самой собой. Я просто жила и дышала, ни на кого не оглядываясь.

Старенькие желтые обои в моей ванной отставали из-за влажности. Крашенные стены гостиной кое-где загрязнились и облупились. На потолке в спальне, в углу, с каждым годом росло пятно от протечки. Ворсинки ковра перепутались, а мебель была старше меня, зато всем этим я могла свободно распоряжаться, не чувствуя груза воспоминаний и обязательств.

Смыв с себя пот и кухонную грязь, я вылезла из душа, вытерлась мохнатым желтым полотенцем, почистила зубы и намазалась увлажняющим кремом. Затем надела ночную рубашку и ровно шесть минут смотрела новости (обычно мне этого хватало, чтобы в общих чертах понять, что творится вокруг). Потом легла на полутораспальную кровать, собираясь прочесть перед сном несколько страниц совершенно неинтеллектуальной книжки.

Через десять часов в «Пиле» начнут подавать завтрак. Следующий день обещал стать таким же, как и все остальные, кроме воскресений и некоторых суббот, когда Федра отправляла меня куда-нибудь отдохнуть. Только вечер должен был пройти не совсем обыкновенно: мне предстояло вытерпеть ужин с олухом из межведомственной пожарной службы. Наверняка он станет корчить из себя крутого, без умолку болтать о своей работе и татуировках. А мне лучше изобразить стерву, чтобы он больше не подкатывал ко мне до самого своего возвращения в Эстес-Парк.

Внезапный стук заставил меня вздрогнуть. Я приподнялась на локтях и огляделась, как будто от этого мог быть толк.

– Фэйлин! – крикнула Кёрби с лестничной площадки. – Гуннар сегодня поздно вернется. Пусти меня к себе.

Ворча, я сползла с удобного матраса, прошлепала через спальню в гостиную к входной двери и повернула ключ в замке. Кёрби тут же протиснулась в комнату. На ней до сих пор был рабочий передник, а в руке она держала полупустой стакан содовой.

– Ну как можно любить человека, если тебя все в нем бесит! – прорычала моя подруга и захлопнула за собой дверь, едва не задев меня по лицу. Отхлебнув из стакана, она прислонилась к первому же попавшемуся предмету (им оказался мой холодильник). – На этой неделе Гуннар уже второй раз задерживается.

– Попробуй больше не давать ему свою машину.

– Его грузовик в ремонте – опять. – Кёрби оглядела мою сиреневую хлопчатобумажную ночную рубашку: – Сексуальная у тебя ночнушка. Как у моей бабушки.

– Да ну тебя! – буркнула я и, сделав пару шагов в сторону, поглядела в зеркало: по сути, я спала в футболке на несколько размеров больше моего, но ничего старомодного в ней не было.

Пройдя босиком по ковру и усадив Кёрби, я принялась обеими руками тереть еще не

просохшие волосы. Они падали мягкими волнами мне на плечи и были достаточно длинными, чтобы закрыть мне грудь, окажись я без одежды в какой-нибудь лагуне. Я всегда перебирала концы прядей пальцами, если нервничала или скучала. А еще волосы служили защитной маской: стоило опустить подбородок, и каштановая вуаль скрывала мое лицо от назойливых взглядов.

Делая мне комплименты, мужчины обычно в первую очередь хвалили мои волосы. Или глаза. Они миндалевидные, как у Кёрби, только не так близко посажены, а веки слегка нависают над ними. Я пересмотрела кучу роликов на «Ютубе», пытаюсь научиться правильно их подводить, но все безрезультатно. Опыты с косметикой вообще были для меня пустой тратой времени. Искусством макияжа я не владела. Но и без этого постоянные посетители «Пилы» почему-то часто отмечали форму и ярко-зеленый цвет моих глаз. Немногим реже упоминались веснушки.

Кёрби, не стесняясь, развалилась на диване:

– Нравится мне этот старичок. Наверное, ему больше лет, чем мне.

– Больше, чем нам обеим, вместе взятым.

Когда я поселилась на этом чердаке, здесь было все необходимое, кроме кровати. Я долго спала на диване, пока копила на нее деньги. Чаевые тратились на то, без чего нельзя обойтись, а без матраса и подголовника я обходилась.

Усевшись на исцарапанный оранжевый вертящийся стул, я посмотрела на Кёрби, которая хмуро потягивала содовую через трубочку.

– Ненавижу его! – трагически вздохнула она, взглянув на часы с изящным черным кожаным ремешком.

– Ничего подобного.

– Ненавижу ждать. Я постоянно жду. По-моему, к этому и сводятся мои отношения с Гуннаром.

– Он обожает тебя. Записывается на всякие курсы, чтобы получить хорошую работу и обеспечить тебя всем, чего ты пожелаешь, когда вы поженитесь. Это не худший расклад.

– Ты права. К тому же он самый сексуальный парень в городе. Если не считать твоего нового приятеля. Ты действительно пойдешь с ним ужинать?

– Отказываться от бесплатной еды? Ни за что!

– Внизу тебя всегда ждет бесплатная еда, – парировала Кёрби, сверкнув бриллиантовым гвоздиком в крыле носа.

У моей подруги были тонкие черты лица и маленькие ножки. Со своей фигурой она могла бы возглавлять группу поддержки школьной футбольной команды, а улыбалась, как Мисс Америка. Вместо того чтобы стать моделью или актрисой, эта девушка работала официанткой в провинциальном кафе.

– Почему ты все еще здесь? – спросила я, оставив без ответа ее предыдущую реплику.

– Ой! – Кёрби скорчила рожицу. – Извини, Фэйлин. Я подожду внизу.

Она встала, но я вытянула руку, удерживая ее:

– Да нет же, дурочка! – Она, нахмурившись, села. – Я не то имела в виду. Почему ты до сих пор не сбежала из этого города?

Лицо Кёрби разгладилось.

– Мне здесь нравится, – пожалала плечами она. – А Гуннар еще учится. Его родители платят за него при условии, что он будет жить тут и помогать им на ранчо.

– Он по-прежнему хочет получить место помощника врача в Денвере?

– Именно поэтому он сейчас никуда отсюда не срывается. Если хорошо пройдет программу подготовки в нашем филиале университета, сможет запросто перевестись в Денвер.

– Ты хочешь сказать, он живет здесь ради тебя?

– Скорее, ради экономии. Потом мы переедем в Денвер. Надеюсь, там я найду какое-нибудь место вроде этого, чтобы график был гибкий и я могла работать, пока Гуннар на занятиях.

– Конечно сможешь! Денвер это... Денвер. Там у тебя будет выбор.

Кёрби посмотрела на меня расширенными глазами:

– А ты куда ездила учиться? Далеко отсюда?

Я невольно переменялась в лице:

– Меня отправили в Дартмут на подготовительные курсы при медицинском колледже. Планировалось, что потом я туда поступлю.

– Тебе не понравилось?

– Это был потрясающий год.

– Всего один?

– Да. И кажется, что с тех пор прошла целая жизнь.

– Давно ты вернулась? – спросила Кёрби, водя пальцем по краю пластикового стакана. – Года два назад?

– Четыре.

– Я уже год с тобой работаю, а ты мне ничего не рассказывала. Это как-то связано с твоими родителями, да?

Я приподняла бровь:

– Странно, что ты так долго меня об этом не спрашивала.

– Сначала мы были недостаточно близко знакомы и я стеснялась, а потом стала побаиваться: думала, вдруг ты расскажешь какую-нибудь жуткую историю...

– Нечего тут рассказывать.

– Ты так говоришь, чтобы меня не пугать? Просто, если с тобой там случилось что-то плохое, я бы тебя выслушала. Ты же знаешь: я никому не расскажу. Даже Гуннару.

Когда Кёрби грустила, ее идеальное лицо казалось еще красивее, нижняя губка, чуть выставленная вперед, – еще пухлее.

– Ничего плохого в Дартмуте со мной не случилось. Говорю же: мне там понравилось. Но чтобы продолжать учебу, я должна была принять условия, которые меня не устраивали.

– А... – протянула Кёрби с некоторым облегчением. – Значит, все-таки родители.

– Они самые.

Снова раздался стук в дверь.

– Входи! – крикнула Кёрби так громко, что я подскочила.

Дверная ручка повернулась. В комнату вошел мамонтенок с милым детским лицом и мускулатурой, от которой едва не лопалась футболка. Как только он сдернул с головы бейсболку, на лоб упали непослушные пряди карамельных волос.

– Черт! Детка, не сердись! – сказал Гуннар, бросаясь к дивану и садясь рядом с Кёрби. – Меня самого достали эти гребаные вечерние занятия и эти пробки!

Она повернулась к нему с выражением стоического терпения и, позволив себя поцеловать, захлопала длинными ресницами. Притворщица из нее была никудышная: кто угодно понял бы, что Гуннар прощен.

– Извини за некультурные словечки, – он обернулся ко мне.

– Ничего. В этой квартире никаких правил нет, – отмахнулась я, обводя взглядом свой чердак. – Потому-то мне здесь и нравится.

– Как работа? – спросил Гуннар, посматривая то на меня, то на Кёрби.

Он едва заметно шепелявил, и, по-моему, это придавало ему несомненное очарование. От природы он был мягок и обходителен, но в те вечера, когда я соглашалась пойти куда-нибудь с ним и Кёрби, я замечала, какие угрожающие взгляды он бросал на мужчин, проявлявших к нам излишнее внимание. Кёрби не раз говорила, что чувствует себя девушкой супергероя: с Гуннаром она ничего не боится и ни о чем не тревожится, потому что он всегда держит ситуацию под контролем. Свободное от учебы время он проводил если не с ней, то в тренажерном зале. До настоящего культуриста он недотягивал, но, благодаря хорошему росту и широким плечам, мог выглядеть устрашающе. Единственный недостаток этого парня заключался в том, что на самом деле он был слишком добрым и пытался всем помогать, часто чересчур увлекаясь и потому везде опаздывая.

Кёрби положила ноги ему на колени и удовлетворенно вздохнула:

– На работе все прекрасно. Фэйлин завтра идет на свидание.

Гуннар вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами:

– Меня пригласили на ужин в тот момент, когда объявились мои родители. Мне как бы пришлось согласиться.

Сразу поняв, что я имею в виду, Гуннар покачал головой и улыбнулся:

– Бедный парень!

– Он все знает, – сказала Кёрби.

– Ну тогда сам виноват.

Я достала у себя из-за спины подушечку и, прижав ее к груди, ответила:

– В любом случае это только ужин. Я не собираюсь никому разбивать сердце.

– То же самое я сказал этой девчонке, когда она пригласила меня на свидание, – усмехнулся Гуннар.

Кёрби выхватила у меня подушку и огрела его по голове:

– Прекрати это всем говорить! Люди еще поверят, что так и было!

Не переставая улыбаться, Гуннар поднял с пола упавшую подушку и легко бросил ее обратно Кёрби.

– Может, я хочу, чтобы ты сама в это поверила? Тогда дело выглядело бы так, будто мне не пришлось за тобой бегать.

Кёрби растаяла. Без особых усилий Гуннар усадил ее к себе на колени и чмокнул в губы.

– Рада, что вы выметаетесь! – отрезала я, когда он вместе с ней поднялся с дивана и поставил ее на ноги. – А то меня уже тошнит от ваших нежностей.

Гуннар за руку повел Кёрби к выходу. Она обернулась и показала мне язык. На пороге они оба остановились.

– Удачи тебе завтра! – сказал Гуннар.

Мордочка Кёрби заострилась от лукавой улыбки:

– Это парню нужно пожелать удачи!

– Проваливайте! – Я схватила с дивана подушку и швырнула в своих гостей.

Они успели выскочить на лестницу и захлопнуть за собой дверь. Подушка ударилась о старую деревянную панель и упала на бежевый ковер. С трудом подняв свое тело со стула, я поплелась к кровати. Покрывало было уже снято. Я села, сунула ноги под одеяло и, натянув

его до подбородка, улеглась.

Устроившись поудобней, я глубоко вдохнула воздух свободы, которую заслужила, прожив полных пять лет сама по себе наедине с собственной печалью и виной. Я могла бы позволить родителям принимать решения за меня, но, вопреки опасениям и здравому смыслу, вырвалась на волю. Теперь они время от времени ко мне заявлялись, но были уже не в силах причинить боль.

Веки отяжелели, я несколько раз моргнула, готовая провалиться в спокойный сон – без ярких огней, белых стен и чужих людей, хватающих меня за руки или кричащих издалека. Через месяц после моего вселения на этот чердачок мои кошмары сменились снами об омлетах, чизкейках и чае со льдом. О Чаке, который ругается у плиты, и о Федре, подыскивающей лучшие места для постоянных посетителей. Невероятные удушающие страхи исчезли, и все пришло в норму.

Я глубоко вздохнула. На этот раз мое кафе мне не приснилось. Мне приснился Тэйлор.

Проснувшись от блеяния будильника, я ударом ладони нажала кнопку отбоя. Ноги запутались в простынях, а одеяло, как всегда, свалилось на пол. Я потянулась и медленно села, жмурясь от яркого света, льющегося в окно. Падая на беленые стены, он казался еще резче, но я ни в коем случае не хотела просить Федру что-то менять. Они с Чаком и так отдали мне этот чердак почти бесплатно, чтобы я могла подкопить денег.

Я надела одну из десятка маек с V-образным вырезом, которые хранились в моем шкафу, и влезла в свои любимые выцветшие джинсы из секонд-хенда. Я купила их через пару дней после того, как Федра нашла меня спящей в машине и предложила жить в квартирке над кафе. Еще дней через десять родители отбуксировали ту самую машину и продали ее.

В их доме я оставила кучу дизайнерской одежды и обуви, а здесь, на чердаке, мой крошечный шкафчик стоял полупустой. Сбегая от родителей, я забрала с собой только сумку с самым необходимым (туалетными принадлежностями, бутылкой воды, перекусом и коробкой из-под кроссовок), машину и то, во что была одета. За пять лет работы в «Пиле» я прибавила к этому пять пар джинсов, три пары шорт и с десяток кофточек. Я запросто обходилась без большого гардероба: ходить все равно было некуда.

Сцепив несколько прядей волос на затылке, я оставила челку незабранной и мысленно выругалась, зная, что буду задевать ее ресницами каждый раз, когда моргаю. Мне уже давно следовало бы посетить парикмахерский салон «У Фэйлин». Я заглянула в ящик, где лежали ножницы, но решила пока за них не браться: ведь вечером меня ожидал ужин с симпатичным, но явно невезучим парнем из пожарной бригады. В моем сне он был так неотразим, что вызывал оргазм при одном только взгляде. Поскольку реальность не могла идти ни в какое сравнение с этим идеальным образом, я заранее настроилась на разочарование.

Умывшись и покончив с остальными утренними делами, я взяла свой передник, вышла за дверь и быстрым движением повернула ключ в замке. Несколько шагов по узкому коридорчику, пятнадцать ступенек – и я снова в кафе «Пила».

Чак уже стоял у заготовительного стола, а Федра пересчитывала деньги в кассе, и утреннее солнце играло серебряными нитями в ее волосах.

– Как будто никуда и не уходила, – изрекла я.
– Ты так каждое утро говоришь, – ответила Федра.
– Потому что я каждое утро так чувствую.
– И это ты тоже говоришь каждое утро. – Чак поставил в окошко между кухней и залом тарелку блинчиков в сиропе с облачком взбитых сливок и ломтиками клубники.

– Официально заявляю, что, кроме этого кафе, есть еще только одно место, где я хотела бы оказаться.

– И окажешься, – сказал Чак.
– Детка, – начала Федра предостерегающе, – он ужасно симпатичный...
– Ничего, – пробормотала я, жуя большой кусок блина. – Меня это не смутит.
– Он сюда за тобой подъедет? – спросил Чак, облокотившись о полочку окошка (она была достаточно широкой, чтобы в часы наплыва посетителей мы могли ставить на нее по пять тарелок враз).

Толкнув двустворчатую дверь, на кухню вошел Гектор. Чак повернул голову в его

сторону:

– Доброе утро.

– Здравствуйте, мистер Чак! – Гектор уселся в конце барной стойки.

Он помолился над омлетом, который принес из кухни, и отправил в рот сразу четверть порции. За его спиной виднелась лестница на мой чердак.

– На что загляделась, Фэйлин? – спросила Федра.

– Кто угодно может подняться из зала по этим ступенькам, и раньше это меня напрягало.

– Но потом ты увидела, что я не церемонюсь с чересчур любопытными посетителями.

– Даже если это дети, – усмехнулся Чак. – Помнишь, как ты довела до слез мальчишку

Моррисов?

– Он уже почти взрослый парень. Ты когда-нибудь перестанешь припоминать мне тот случай?

– Никогда. Мне нравится, какое у тебя становится лицо, когда я об этом заговариваю.

Через раздаточное окошко Чак окинул взглядом ряд стульев вдоль длинной барной стойки. Она отделяла от основной части зала кассу и уголок для приготовления напитков. Для нас с Кёрби это узкое пространство было как дом. Здесь мы могли несколько секунд передохнуть, прежде чем снова идти в бой. Сейчас я сидела на стуле и с удовольствием поела пористые блинчики, обильно политые сиропом.

– Фэйлин, так ты не ответила на мой вопрос, – напомнил Чак.

Мне хотелось спокойно дожевать кусок, но, чтобы не показаться невежливой, я проглотила его и ответила:

– Я вообще не знаю, приедет ли он. Больше он не давал о себе знать.

– Готова поспорить, что приедет, – Федра задвинула ящик кассового аппарата и скрестила руки. – Ну а если будет вести себя не как джентльмен...

– Знаю, знаю, – сказала я. – Двину ему в кадык.

– Молодец! – Федра изобразила удар кулаком. – Они этого терпеть не могут.

– Точно, – усмехнулся Чак из кухни, – не можем.

Я хохотнула: хозяин «Пилы» скорее руку бы себе отпил, чем сотворил бы с женщиной что-нибудь такое, отчего она захотела бы стукнуть его в кадык.

Чак отошел от окошка и открыл двустворчатую дверь. Он вытер руки о чистый фартук, оставив на ткани рыжевато-коричневые следы. Я посмотрела на его лицо и, не переставая жевать, сказала:

– Ой! Ты ведь не собрался читать мне лекцию? Пожалуйста, не надо.

– Кто этот парень? Ты согласилась поужинать с ним, чтобы позлить родителей, и меня это беспокоит. А еще сильнее меня беспокоит то, что может быть у него на уме.

Федра лучезарно улыбнулась мужу, как будто их любовь, длившаяся сорок шесть лет, стала вдвое сильнее.

Доев блин, я промокнула рот салфеткой, скомкала ее и уронила на колени. В голове эхом зазвучал спокойный, но твердый голос Блер: «Фэйлин, не та вилка! Фэйлин, суп так не зачерпывают! Стой прямо, Фэйлин! Если не научишься прилично себя вести, на тебя не посмотрит ни один стоящий молодой человек. За столом, Фэйлин, мы не обсуждаем вульгарных вещей, и твое мнение никого не интересует». Родители так настойчиво прививали мне правила хорошего тона, что, даже уйдя из дома, я продолжала намеренно их нарушать назло Блер. Она меня не видела, но бунт все равно доставлял мне удовольствие.

Прошло пять лет, а я все не могла успокоиться, и это меня бесило – как раньше бесили сами родители, которые контролировали каждый мой шаг, чтобы я вписывалась в их идеал семьи из высшего света.

– Фэйлин? – ласково окликнула меня Федра, и ее слегка скрипучий голос заставил меня вернуться к реальности. – С тобой все в порядке, детка?

Я моргнула:

– Мне... не важно, что на уме у этого парня. Я действительно согласилась с ним встретиться, только чтобы позлить Уильяма.

– Тогда почему потом не дала ему отбой? – спросил Чак.

– Потому что он мне подыграл, – улыбнулась я. – Ему, кстати, на все это наплевать. Он просто ищет, с кем бы переспать.

Лицо Чака окаменело. Несколько секунд он таращился на меня, а потом медленно попятился к двери и исчез на кухне. Федра расхохоталась:

– Ты его доконаешь! Он любит тебя, как родную. Пускай верит, что ты девственница. – Сказав последние слова, она застыла и расширила глаза: – Ой, извини, дорогая.

Я подчеркнуто отмахнулась:

– Думаю, он уже знает, что это не так.

Явно смутившись, моя хозяйка принялась готовить свой всемирно известный чай. Я встала, обошла барную стойку и, подойдя к Федре сзади, опустила подбородок ей на плечо.

– Все нормально, – мягко сказала я.

– Ох уж этот мой длинный язык! – она шмыгнула носом. – И маленький мозг!

Я повернула ее и заглянула ей в глаза:

– Ох уж это твое доброе сердце!

У Федры задрожали губы. Она быстро прижала меня к себе и морщинистой рукой похлопала по спине:

– У нас своих детей нет. Вы с Кёрби нам как дочки. Ну а теперь иди займись делом. Пора работать, черт возьми!

Федра снова взялась за кувшин с чаем. Я передала ей салфетку. Она поднесла ее к лицу, опять повернувшись ко мне спиной: видимо, вытерла глаза.

– Иди работай, говорю.

– Да, мэм.

Обежав барную стойку, я запихала в рот остатки блинов и, жуя, направилась в кухню.

Рядом с Чаком стоял Пит – толстяк с плешью на затылке и хмурой физиономией, каждое утро помогавший нам заготавливать продукты. Гектор уже занял свое место у раковины и чистил приборы.

– Доброе утро, мисс Фэйлин. – Он взял у меня тарелку, сделанную из какого-то стекляннопластмассового сплава, и открыл воду.

– В сотый раз тебя прошу, Гектор...

– Не надо, мисс, я знаю, – робко улыбнулся он.

На лице Пита тоже появилась улыбка. Но он продолжил мариновать курятину, ничего не сказав. Эти трое и, конечно, Федра, чьи кулинарные изобретения прославили «Пилу», – таков был весь кухонный штат нашего кафе.

Неподвижно глядя перед собой, Чак готовил свой фирменный соус. Его мысли были где-то далеко. Вытерев тыльной стороной руки мокрую щеку, он снова взял нож. Потом взглянул на меня и покачал головой.

– Чертов лук! – сказал он, вытирая вторую щеку.

– Ага, – с сомнением отозвалась я: в этой семье не только Федра была чувствительной.

Пит, на секунду оторвавшись от работы, бросил взгляд на своего босса и криво улыбнулся.

Я помогла Гектору завернуть ножи и вилки в салфетки, потом залила сироп в автомат с напитками, протерла окна и в очередной раз обошла зал, дабы убедиться, что все идеально чисто.

Ровно в восемь Гуннар привез Кёрби, и она, как обычно, встала перед входом, скрестив руки. Я никогда не понимала, зачем ей так рано приезжать, если открывались мы только в девять. Впустив ее, я опять заперла дверь.

– А вот и я! – объявила Кёрби, проходя вглубь зала (это приветствие тоже вошло у нее в привычку).

– Сейчас извещу прессу о твоём прибытии, – буркнула Федра.

Кёрби показала ей язык, подмигнула мне и прошла в кухню, не придерживав подвижные створки двери. Федра крикнула:

– Когда-нибудь ты их, к черту, сломаешь!

– Извини, – ответила Кёрби торопливо, но искренне.

Помахивая хвостиком темных волос, она внесла в зал банки с приправами, чтобы наполнить солонки и перечницы на столах. Пока она этим занималась, они с Федрой обменялись заговорщицкими улыбками.

– Я знаю ее с тех пор, когда она была малявкой с ключом на шее, – хозяйка кивнула в сторону моей подруги.

– Все слышу! – крикнула та.

– Ну и прекрасно! Каждый день я делала себе бутерброд с курятиной гриль, маринованными огурчиками и соусом из майонеза и перца в то самое время, когда эта девчонка шла домой из начальной школы.

Кёрби усмехнулась:

– И каждый раз Федра чудесным образом теряла аппетит.

– Я ведь знала: Кёрби зверски проголодалась и мимо нас не пройдет, – сказала Федра грубовато и вместе с тем умиленно. – Она без умолку болтала с набитым ртом. Рассказывала, как прошел день в школе. А уничтожив мой бедный сэндвич, вытирала рот рукавом и шла к своей маме, которая работала официанткой в «Старом Чикаго» – это в нескольких кварталах отсюда. Даже «спасибо» не говорила, паразитка.

– Это клевета, – сказала Кёрби, закручивая крышечку солонки.

– Ну ладно, – согласилась Федра. – Иногда вместо рукава она использовала салфетку.

Усмехнувшись и покачав головой, Кёрби принялась развинчивать перечницу. Я посмотрела на часы и стала помогать подруге, откручивая крышки. Дело пошло быстрее.

– Никому на свете, даже Чаку, – я кивнула в сторону кухни, – ты не позволяешь того, что позволяешь Кёрби. Она столько раз показывала тебе язык и до сих пор жива!

– Нет, – Федра выгнула бровь, – у меня две девочки, от которых я терплю всякое.

Я сглотнула ком в горле: эта женщина умела сделать так, чтобы я почувствовала себя как в семье. Причем именно тогда, когда я меньше всего этого ждала и больше всего в этом нуждалась.

Взяв с барной стойки полотенце и перебросив его через плечо, она взглянула на свои часики, подошла ко мне и повернула меня к окну, напротив которого стояли три машины,

набитые людьми. Схватив мою руку и подняв ее вместе с открытой солонкой, Федра принялась читать свой любимый сонет:

– «Мать изгнанных! Их горьким воплям внемля... – декламируя, она ритмично потряхивала моей рукой, и соль сыпалась нам на головы, как снег во время метели. – Гремевшие в истории державы! Отдайте мне всех тех, кого гнетет жестокость вашего крутого нрава...»^[2]

Дочитав стихотворение до конца, Федра отпустила меня и вздохнула:

– Сейчас так уже никто не говорит.

Я принялась вытряхивать из волос соль.

– Ты говоришь, – сказала Кёрби.

– Да. Потому что люблю свою страну.

– Чтобы это понять, достаточно заглянуть в полицию и посмотреть, сколько раз ты участвовала в сидячих забастовках, – заметила Кёрби, состроив рожицу. – А при чем тут эти стихи?

От такого вопроса Федра онемела.

– Это сонет Эммы Лазарус, – пояснила я, но выражение лица моей подруги не изменилось. – Он написан на табличке внутри статуи Свободы.

Кёрби округлила рот: до нее наконец-то дошло. Федра закатила глаза:

– Боже праведный, помоги нам всем!

– Пойду за веником, – сказала Кёрби и побежала в заднюю комнату.

Федра, ворча, направилась на кухню. Она всегда взрывалась, если видела, что кто-то не знает важных исторических фактов или других общеизвестных вещей. Кёрби вернулась со щеткой и веником.

– После выпуска я постаралась все это выкинуть из головы. А сейчас к тому же летние каникулы. Но как бы не так! Дадут мне здесь расслабиться!

– Не кипятись, – я взяла веник, – впереди долгий день.

Мы с Кёрби подмели пол, и она подбежала с совком к мусорному ведру. Я открыла крышку. В это время первые посетители вышли из припаркованных машин. А когда моя подруга во второй раз вернулась из задней комнаты, куда относила веник, они уже вошли в кафе.

– Я не успела заполнить все солонки, – шепнула мне Кёрби.

– Доделаю, – ответила я.

Торопливо рассыпая приправы по баночкам, я взглянула на часы: что нас так задержало? Обычно мы успевали со всем управиться минут за десять до открытия.

Демонстрировать свое настроение гостям Федра не стала, но Кёрби и мне пришлось работать с удвоенной силой, чтобы она улыбалась. Начало дня получилось неважным: целый графин с чаем грохнулся на пол, Гектор разбил стопку тарелок, а я не до конца завинтила крышечку одной солонки, и посетитель высыпал на свой филадельфийский сэндвич с говядиной и сыром больше соли, чем я вытряхнула из своей головы. Чаку пришлось переделывать блюдо.

Писательница со своей ассистенткой пришла опять – во второй раз за два дня пребывания в городе.

– Добрый день, – улыбнулась я, после того как Кёрби их усадила. – Вы к нам вернулись?

– Нам здесь нравится. Перед отъездом хочу попробовать кубинский сэндвич.

– Я не это заказывал! – крикнул Федре Дуэйн Кауфман из-за углового столика.

Он сбросил на пол верхнюю булочку своего сэндвича и облизал палец.

– Ой-ой! – прошептала Кёрби. – Опять пьяный. Может, полицию вызвать?

И как он умудрился нализаться с утра?

– Федра разберется, – помотала головой я.

– Я заказывал без кетчупа! – орал Дуэйн. – И все остыло к чертовой матери!

– Извини, приятель, сейчас все поправим. – Федра взяла его тарелку и устремилась на кухню.

– Никакой я тебе не приятель! – прокричал Дуэйн ей вслед. – Дерьмовое кафе!

Я подошла и улыбнулась:

– Не хотите выпить кофе, пока Чак переделывает ваш заказ?

– Отвянь! – рявкнул Дуэйн, повернув ко мне голову, но не отрывая глаз от пола. – Я хочу гребаный бургер – такой, какой я заказывал. Что – так трудно?

Перед ним стояла почти полная чашка чая, но мне нужно было чем-то его занять, пока Федра не вернулась.

– Сейчас все сделают. Давайте я подолью вам чаю, – сказала я, беря чашку.

Дуэйн поймал меня за запястье:

– Не трясись титьками у меня перед носом!

Содержимое стакана выплеснулось мне на туфли. Я безуспешно попыталась высвободиться. Тут руку Дуэйна схватила другая большая рука. Пьяница застыл. Я тоже. Это был Тэйлор.

– Что ты ей сказал? – произнес он зловецким низким голосом.

Я было разинула рот, но Дуэйн отпустил меня и, нервно расхохотавшись, прорычал:

– Не надо мне чая. Оставьте меня в покое!

Тэйлор разжал руку и сделал шаг назад, пропуская Федру.

– Ну вот, Дуэйн: чизбургер прямо с гриля, без кетчупа. Мы извиняемся, – сказала она громче, чем было необходимо, и встала между мной и разбушевавшимся посетителем. Я шагнула в сторону. – Ну как? Теперь лучше?

Он откусил свой бургер и, закрыв глаза, стал жевать, как животное. Кусок хлеба и колечко лука упали у него изо рта на тарелку.

– Да. Только долго ждать пришлось.

Махнув мне рукой, чтобы я занялась другими посетителями, Федра посмотрела на Тэйлора, но что означал ее взгляд, я не поняла. Я проводила парня к его столику. На этот раз он пришел один.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да. Что сегодня будете пить?

– Твою знаменитую вишневою колу, пожалуйста.

– Сейчас, – процедила я сквозь зубы и хотела уйти, но Тэйлор тронул меня за локоть:

– Ты сердишься?

Я оглянулась на Дуэйна и, помолчав, ответила:

– Я управилась бы и без посторонней помощи.

– Верю.

– Тебе не нужно было вмешиваться, – прошипела я.

– Наверное.

– Не лезь в мои дела. Мне не нужны защитники. Ни сейчас, ни вообще.

Тэйлор невозмутимо откинулся на спинку стула:

– О'кей.

– Что «о'кей»?

– Я понял, – усмехнулся он.

Идя к барной стойке, я чувствовала на себе его взгляд.

– Извините за эту сцену, – сказала я, остановившись у столика писательницы. – Что будете пить?

– Я давно так не развлекалась. Апельсиновый сок, пожалуйста.

– А я буду манговый коктейль, – сказала помощница.

Я кивнула и пошла дальше. Дуэйн выставил передо мной свой стакан. Налетев на него, я инстинктивно застыла на цыпочках и вскинула руки, но было уже поздно: чай расплескался, забрызгав и пьянчугу, и меня.

– О боже! Сейчас я принесу вам новую чашку.

– Черт тебя подери, сука! – завопил Дуэйн.

Ножки стула скрипнули о кафельный пол. Дуэйн встал и навис надо мной. Из другого конца зала послышался напряженный голос Тэйлора:

– Ну все, ты меня разозлил!

За какую-нибудь секунду он подскочил ко мне, скрутил Дуэйна и поволок его к двери.

– Нет! Оставь его! – закричала я, и мой крик слился с протестующими воплями Дуэйна. – Пожалуйста!

Все посетители остолбенело наблюдали за тем, как он размахивает руками, тщетно пытаясь высвободиться. Я прикрыла рот ладонью. Кёрби беспомощно замерла за своей стойкой у входа. Когда Тэйлор уже почти дотащил Дуэйна до порога, Федра поднесла к губам два пальца и издала свой фирменный свист – такой был бы слышен даже на переполненном школьном стадионе во время футбольного матча между старшекласниками. Я поморщилась от пронзительного звука.

– А ну отпустите его! – скомандовала хозяйка заведения.

Зал застыл. Чак и Гектор, вытаращив глаза, стояли у раздаточного окна. Дуэйн перестал дергаться, и Тэйлор выпустил его шею.

– Я никому не позволю вышвыривать клиентов из моего кафе! – заявила Федра и, сощурясь, решительным шагом подошла к Дуэйну.

– Вы оскорбили мою сотрудницу только словесно?

– Она облила меня, на хрен, чаем! – он ткнул пальцем в мою сторону.

– В наше заведение приходят посетители с детьми, и мы здесь не говорим «на хрен»! – произнесла Федра, почти прокричав последние два слова. – Возвращайся, когда научишься прилично себя вести, Дуэйн! – Она уже собралась удалиться, но вдруг обернулась: – А лучше не приходи совсем.

Посмотрев на Тэйлора, Федра добавила:

– Убери-ка мусор, парень.

Тэйлор скрестил руки, не спуская грозного взора с Дуэйна. Тот не полез драться. Просто вышел, пристыженный.

– Кому-нибудь что-нибудь нужно? – широко улыбаясь, Федра обвела взглядом зал.

Почти все покачали головами. Писательница и ее ассистентка сидели такие довольные, что я не удивилась бы, если бы они зааплодировали.

– Ух ты! – сказала Кёрби, зайдя вместе со мной за барную стойку и повернувшись спиной к той части зала, где сидел Тэйлор. – Было горячо! Ты не передумала? По-прежнему

хочешь выбросить его на обочину, прежде чем он успеет раскатать губу?

– Да.

Приготовив худшую в своей жизни вишневую колу, я подошла к Тэйлору и со стуком поставила ее перед ним. Его это как будто рассмешило, а я разозлилась еще сильнее.

– Сегодняшний ужин отменяется.

– Вспомнила, что у тебя уже назначена другая встреча?

– Нет, – моргнула я.

– Возникли семейные обстоятельства, которые до конца смены еще подождут, а потом уже никак?

Я нахмурилась:

– Нет.

– Тогда почему ты отменяешь ужин?

– Потому что ты бандит.

– Я бандит? – Тэйлор ткнул себя в грудь.

– Ты! – Я стиснула зубы, с трудом сдерживаясь, чтобы не повысить голос. – С нашими посетителями так нельзя.

– Можно, как видишь. – Тэйлор откинулся на спинку стула, страшно довольный собой. – Если ты не слышала, твоя начальница сама попросила меня его вышвырнуть.

Я брезгливо скривила губу:

– А ты и обрадовался. Потому что любишь помахать кулаками. С такими, как ты, я не встречаюсь.

– Прекрасно.

– Прекрасно? – Мой голос подскочил сразу на целую октаву.

– Вот именно.

Тэйлор скрестил руки, несколько не раздраженный, не обиженный и не разозленный. А я-то надеялась, что мой прилюдный отказ сотрет с его физиономии самодовольную ухмылку.

– Тогда чего улыбаешься?

Он дотронулся пальцем до носа. На руке прорисовались мышцы.

– Мне кажется, ты еще передумаешь.

Я сделала шаг, но голоса не повысила:

– Не передумала бы, даже если б захотела. А сейчас я точно не хочу.

Развернувшись, я занялась другими посетителями. Ближе к вечеру работа стала еще напряженнее. Заметив, что Тэйлор ушел, я подошла к его столику. Он оставил двадцатидолларовую бумажку, хотя не заказывал ничего, кроме несчастной вишневой колы. Значит, семнадцать долларов – это были мои чаевые. Приятный сюрприз. Сглотнув от удивления, я сунула купюру в фартук и привела стол в порядок.

– Тебе не кажется, что ты была резковата? – спросил Чак, когда я зашла на кухню отдать Гектору пустой стакан и помыть руки.

– С кем?

– Сама знаешь.

– Он придурок, о чем я ему и сказала. Устроил такую сцену!

Чак взмахнул рукой:

– Дуэйн это заслужил. Федра давно мечтала его вышвырнуть. Однажды, еще пока ты здесь не работала, он перевернул столик.

Я разинула рот. Гектор закрыл кран и сказал:

– И после такого он продолжал сюда ходить? На миссис Федру это не похоже.

– Дуэйн не всегда был таким. – Чак пожал плечами. – Запил после того, как от него ушла жена. Видно, Федра терпела его, потому что жалела.

Мы с Гектором переглянулись.

– И ты не считаешь, что Тэйлор, когда выкинул его, повел себя как агрессивный придурок? – спросила я.

Чак покачал головой:

– Я сам мечтал это сделать.

– Но Федра – твоя жена. Ты мог вмешаться, чтобы защитить ее честь. Это я понимаю.

Он на секунду сжал губы, а потом произнес:

– Ты права. И все-таки ошибаешься. – Я озадаченно нахмурила лоб. – По-моему, парню нужно не только то, о чем ты утром сказала. И по-моему, он нашел, что искал.

– То есть?

– То есть наберись терпения. Такие ребята, когда встречаются девушек вроде тебя, без боя не сдаются.

– Ладно, – усмехнулась я. – Поглядим.

Чак криво улыбнулся и повернулся к плите.

– Дуй к себе, детка, – сказала Федра. – Тебе надо подготовиться, верно?

– К чему? – спросила я, окинув взглядом свою одежду.

– Ты в фартуке пойдешь на свидание с тем мальчиком?

– С тем мальчиком я вообще никуда не пойду.

Федра покачала головой и направилась обслуживать своих последних гостей. Мы должны были закрыться несколько минут назад, но еще не все ушли. Кёрби уже подмела и теперь возилась с мороженицей.

Наконец за столиком Федры подписали чек. Посетители – это была небольшая семья – встали и вместе пошли к машине, припаркованной перед входом. Федра помахала им. Я села на стул у края барной стойки и принялась считать чаевые. Кёрби, просияв, взяла у меня тоненькую пачку бумажек – свою долю за уборку столов и ловкое рассаживание гостей. Гуннар уже ждал у двери. Когда его подруга подошла, он нагнулся и поцеловал ее, обхватил маленькую фигурку своими ручищами.

– Спокойной ночи! – попрощалась с нами Кёрби.

– Пока, – ответила я почти шепотом.

Федра и Чак помахали влюбленным, и Гуннар открыл перед Кёрби дверь. Я подумала, что им, вероятно, придется идти к машине по темным задворкам, но мою подругу это вряд ли смущает: она в безопасности.

Колокольчик над дверью звякнул. Я подняла глаза, ожидая снова увидеть Кёрби с Гуннаром: уходя, они частенько что-нибудь забывали. Но на пороге стоял Тэйлор.

– Зачем явился?

Створки кухонной двери сделали несколько взмахов туда-сюда. Значит, Федра нашла для себя какое-то дело на кухне.

– Приехал за тобой.

– Я отменила встречу. – Я запихнула в карман фартука оставшиеся чаевые.

– Знаю.

Уже начиная злиться, я посмотрела на него исподлобья:

– Думаешь, твой род занятий оправдывает наглое поведение? Если женщины всегда считали подобные профессии романтичными, то ни одна тебе не откажет?

– Нет, я просто проголодался, а заодно хочу пообщаться с тобой.

– Мы уже закрылись.

– Ну и что? – спросил он так, будто действительно не понимал.

– Уходи.

Тэйлор сунул руки в карманы джинсов:

– С удовольствием. Я помню, что ты меня не переносишь. К тому же мне не нравятся прирожденные стервы.

– Конечно. Тебе подавай легкодоступных девиц, которые сначала сами за себя платят в кафе, показывая, какие они прогрессивные, а под конец вечера уже пытаются зацепить тебя своим умением делать минет?

Тэйлор фыркнул и, остановившись всего в нескольких шагах от меня, прислонился спиной к барной стойке:

– Да я для тебя прямо как раскрытая книга! Лига Плюща.

– Что, прости?

– Училась на психологическом? Хочешь потрясти меня, разобрав по косточкам мою грубую натуру? Может, еще Фрейда процитируешь, чтобы я ощутил свою неполноценность? Дай угадаю: училась в Йеле? Или в университете Брауна? Обалдеть! Ученой степени у меня нет, но студентом я был. Так что ты меня не напугаешь.

– Я училась в Дартмуте. А твой двухгодичный районный колледж не в счет.

– Я бакалавр делового администрирования и магистр феминологии.

– К тем заведениям, где читают лекции по феминологии, тебя даже на пушечный выстрел не подпустили бы.

– Ошибаешься.

Я гневно сдула челку со лба:

– Феминология, говоришь?

У Тэйлора ни один мускул на лице не дрогнул.

– С какого перепугу она тебе понадобилась? – прошипела я.

– Эта наука дает очень полезные знания.

Я разинула рот, но тут же его захлопнула. Тэйлор не шутил.

– Ладно, – сказал он. – Насчет магистра я соврал. Но я действительно ходил на лекции о положении и роли женщины в обществе. Да и читал кое-что.

Я вздернула бровь.

– Я работаю в пожарной бригаде, но образование у меня есть, – продолжал Тэйлор. – Учился в Иллинойсе. В крупном университете.

– погоди, – я сглотнула: мне вдруг что-то сдавило горло. – Ты сказал, в Иллинойсе?

– Да. Еще, кстати, у меня докторская по дуракавалянию. В этой дисциплине я дам тебе сто очков вперед.

– Твой университет далеко от Эйкинса?

Тэйлор скорчил озадаченную гримасу, не понимая, к чему я клоню.

– Он в Эйкинсе и есть. А что?

Мое сердце забилось так быстро и сильно, что его удары начали отдавать в голову. Дышать стало трудно. Я потянула воздух в себя, а потом медленно выпустила его из легких, стараясь сохранить спокойствие.

– Сейчас ты там часто бываешь? Ездишь на встречи выпускников?

Судя по выражению лица Тэйлора, он что-то заподозрил. Слишком резко изменилось мое отношение к нему – вместе с тоном нашего разговора. Мы пристально смотрели друг на друга. Я постаралась сделать так, чтобы лицо оставалось невозмутимым, а в глазах ничего нельзя было прочесть. Деньги, которые лежали в обувной коробке на моем чердаке, я копила на авиабилет до Иллинойса, аренду машины и гостиницу в Эйкинсе. То, что этого парня занесло в мое кафе и он проявил ко мне интерес, не могло быть лишь совпадением.

– Мне просто любопытно, – прибавила я.

Плечи Тэйлора расслабились, но искорка в глазах не погасла.

– Давай я все тебе расскажу по пути. Пойдем.

– Сегодня я с тобой никуда не пойду. Откуда мне знать: может, ты маньяк?

– Маньяков Лесная служба на работу не берет.

– А с чего я должна верить, что ты действительно там работаешь?

Вздыхнув, Тэйлор вынул бумажник из заднего кармана джинсов.

– Это достаточно убедительно? – Он показал мне водительские права и служебное

удостоверение.

Сделав над собой усилие, чтобы сохранить нейтральное выражение лица и не схватить документы слишком нетерпеливо, я пробежала их глазами. Выданы в штате Иллинойс. Тэйлор действительно был из Эйкинса.

– Продлевать права не собираешься?

– Срок истекает через месяц. Продлю здесь, в Колорадо. Мой начальник меня с этим уже достал.

В графе «адрес» значилось: «Норт-Берч». Парень говорил правду.

– Черт! – прошептала я и медленно протянула документы Тэйлору.

– Что такое? – спросил он, забирая их.

– На фотографии ты получился ужасно. У тебя там задница вместо лица.

– Ну и пускай, – рассмеялся Тэйлор. – Все равно я красавец.

Я прищелкнула языком:

– Тот, кто тебе это сказал, наверное, только что вылез из пещеры.

Он нахмурился и опустил подбородок:

– Никак не пойму: ты врушка или лесбиянка?

Этот парень мог стать моим билетом в Эйкинс. Не захохотать, не закричать, не заплакать и не подпрыгнуть до потолка было так же трудно, как удержать в руках дикого зверя, вымазанного салом.

Я прокашлялась:

– Мне нужно закрыть кафе.

– Ладно, я подожду снаружи.

Важно было правильно себя поставить. Тэйлор гнался за мной только потому, что я убегала. Стоило быть посдержаннее в эмоциях.

– Надеюсь, ты не слиняешь? – вздохнула я.

Он приподнял уголок рта, показав ямочку на левой щеке. Парень был, безусловно, привлекательный. Я не могла не признать, что от его взгляда у меня в животе начинали порхать бабочки. Это ощущение мне хотелось возненавидеть еще сильнее, чем самих мужчин. Лицо Тэйлора было безупречным, и соблазнительная пухлость губ даже казалась излишней деталью, которая делала его красивым до нелепости. К симметрии черт невозможно было придраться. На подбородке и щеках темнела идеальная щетина – не как только что после бритья и не как через три дня. Теплые шоколадные глаза время от времени скрывались под густыми ресницами. При желании Тэйлор мог сниматься в рекламе нижнего белья, и знал это.

–ловишь кайф, да? Нравится, как я тебя разглядываю и решаю, может ли твоя внешность компенсировать то, что ты засранец?

– Не такой уж я и засранец, – сказал он, стараясь не рассмеяться от моих странных слов.

– Ты хотя бы знаешь, как звали ту девушку, с которой ты в последний раз спал?

Тэйлор пару секунд подумал и вздохнул:

– Ладно. Отчасти я и правда засранец.

Я посмотрела на его плечи и предплечья. На них пестрели яркие татуировки: бильярдный шар с цифрой 8, рука с веером тузов и восьмерок, дракон, череп и женское имя.

– Я уйду. Но хотел бы остаться, – Тэйлор слегка опустил голову и посмотрел на меня, включив свое обаяние на полную мощность.

Другая девушка, наверное, растаяла бы. Но я чувствовала себя так, будто судьба только

что ударила меня по лицу.

– Кто такая Диана?

Он опустил глаза:

– Почему ты спрашиваешь?

– Твоя бывшая? – Я кивком указала на татуировку. – Она тебя кинула, и ты, чтобы заглушить сердечную боль, спишь со всеми подряд?

– Диана – это моя мать.

У меня мгновенно пересохло во рту и в горле, будто я проглотила пригоршню горячего песка.

– Черт! – пробормотала я, моргнув.

– Чертыханье мне слышать приятнее, чем извинения.

– Я бросила привычку извиняться. С некоторых пор.

– Верю, – усмехнулся Тэйлор. – Послушай, мы неудачно начали. Когда мужчина агрессивно ведет себя по отношению к женщине, я не могу спокойно на это смотреть и иногда перегибаю палку. Не буду тебе обещать, что этого не повторится никогда, но сегодня вечером не повторится точно. Ну, – он взглянул на меня из-под ресниц, задействовав весь свой потрясающий шарм: – пойдём.

Я сжала губы. Теперь, когда выяснилось, что мне нужен этот парень, игра стала рискованной. Стоило проявить упрямство, только в меру.

– Не пойду.

Помрачнев, Тэйлор направился к двери, но потом вернулся, уже не скрывая раздражения и обиды:

– С ума сойти! Ты перестанешь надо мной издеваться или нет?!

– А почему ты так упорно добиваешься, чтобы я с тобой пошла? – я вздернула бровь. – С кем-то поспорил?

– Я так упорно этого добиваюсь, потому что ты постоянно говоришь мне «нет»!

– Значит, – сказала я с полуулыбкой, – если я соглашусь, ты оставишь меня в покое?

– А с чего ты взяла, что я позову тебя опять? Думаешь, мне нравится, когда меня отшивают?

– Видимо, нравится.

– Да со мной такого... никогда не бывало! – Тэйлор уже кипел.

– Я действительно говорю тебе: «Отвали».

– Слушай, – сказал он, стараясь обуздать темперамент, – давай просто выпьем по паре бокалов. Я даже провожать тебя не буду. Обещаю.

– Ладно. – Я завела руки за спину и одним движением развязала фартук, потом сняла его, сложила, обмотала тесемками так, чтобы чаевые не выпали, и убрала за барную стойку. – Пойдем насладимся нашим последним совместным вечером.

Тэйлор протянул мне руку:

– Давно, черт возьми, пора!

Мои пальцы удобно легли в его ладонь, и он повел меня к двери. От этого прикосновения по всему моему телу разлилось тепло. Оно просочилось в поры и растопило ту часть меня, которая так долго оставалась холодной. Быстро оглянувшись, я увидела Фредру и Чака: они помахали мне, лукаво улыбаясь.

Тэйлор перевел меня через улицу. Он как будто даже не заметил, что на мне джинсы из секунд-хенда и от меня пахнет кухней. Пройдя полквартиры, мы оказались у бара «Ковбой»,

перед которым уже стояла очередь.

– Сюда? – жалобно спросила я.

Тэйлор подал знак парню у входа и потащил меня внутрь. Я прошла мимо более уместно одетых женщин, которым не посчастливилось быть знакомыми с вышибалой.

– Привет!

– Это не по правилам!

– Не говори ерунды, Даррен!

– Даррен Майклз! – воскликнула я, потянув Тэйлора за руку, чтобы он замолчал.

– Фэйлин Фейрчайлд! – ответил мой бывший одноклассник.

Он заполнял собой почти весь дверной проем, черная футболка подчеркивала мускулы, а кожа была поджарена в солярии.

– Не знала, что ты здесь работаешь.

Даррен усмехнулся:

– С тех пор как мне стукнуло двадцать один. Ты бы, Фэйлин, почаще вылезала из своей «Пиль».

– Очень смешно, – фыркнула я.

Тэйлор провел меня в бар. Мы прошли мимо окошек, за которыми сидели женщины, собиравшие плату за вход. Одна заметила нас, но не окликнула, а занялась следующими по очереди.

– Пользуешься бонусами как постоянный клиент? – спросила я достаточно громко, чтобы перекрыть музыку.

Тэйлор улыбнулся, и я постаралась подавить глупое беспокойство в груди.

– Пива хочешь?

– Нет.

– Не говори мне, что пьешь только вино, разбавленное соком.

Я не ответила. Он сделал новую попытку:

– Коктейль? Виски? Нет? Тогда сдаюсь!

– Я не пью.

– Ты не... что?

Его озадаченная физиономия вызвала у меня улыбку.

– Я не пью, – повторила я, чеканя каждое слово.

– Мне это непонятно.

Я закатила глаза.

– Сам я и пью, – сказал Тэйлор, – и курю, но курить здесь нельзя.

– Отвратительно. Ты нравишься мне еще меньше, чем раньше.

Нисколько не смутившись, он подвел меня к высокому столику и подождал, пока я влезу на стул.

– Возьму себе пива. А ты, может, все-таки чего-нибудь хочешь? Воды или содовой?

– Воды. Чему ты радуешься?

– Ты сказала, что я тебе нравлюсь, – заявил он с довольной улыбкой, которая оказалась заразительной.

– Нравился, пока не разинул рот.

Тэйлор вдруг перестал улыбаться:

– Какая же ты вредная! Тревожно, что мне это так нравится.

Он отправился за напитками. Мои оскорбления никак не отразились на его неизменной

расслабленно-самодовольной походке. Бряканье стальной гитары заполнило оба этажа танцевального бара. Подперев подбородок рукой, я стала высматривать среди туристов знакомые лица. Тэйлор болтал с девушкой по имени Шей: она окончила школу через пару лет после меня и, как только ей исполнился двадцать один год, пришла работать сюда. Я ждала, что Тэйлор начнет с ней флиртовать или еще как-нибудь упрочит в моих глазах свою репутацию мерзкого типа.

Шей вдруг склонила голову набок, как будто ее чем-то ошарашили. Через секунду они оба поглядели на меня. Сделать вид, что я их не вижу, и отвернуться было уже нельзя. Пришлось помахать рукой. Они помахали мне в ответ. Шей скovyрнула крышечку с пивной бутылки, потом наполнила стакан водой со льдом. Отдавая это Тэйлору, она похлопала его по плечу.

– Это Шей, – сказал он, вернувшись к столику.

– Я ее знаю.

– Ты интересовалась именем последней девушки, которую я завалил. Так вот: Шей.

Я скорчила физиономию.

– Это было в мои первые выходные после приезда сюда, – продолжил Тэйлор. – Она милая... и темпераментная, как черт знает что.

– Ты ее завалил? – переспросила я, сразу же об этом пожалев.

– Да. У нас был секс. Мы вступили в интимную связь. Познали друг друга в библейском смысле. Переспали. Перепихнулись. Трахнулись... Продолжать?

– Пожалуйста, не надо, – сказала я, потягивая воду.

– Как сказал твой отец, я бродяга. – Тэйлор поднес к губам бутылку и отхлебнул. – В промежутках между вызовами нам особо нечем заняться.

– Если совсем нет воображения, то конечно.

– А ты что предложишь?

– Ну, не знаю. В августе можно подняться на Пайкс-Пик, пойти в Сад богов или поехать в Маниту-Спрингс. Еще есть зоопарк, картинная галерея, семь водопадов и аэрокосмический музей.

– Ладно, давай прикинем. Как насчет следующих выходных? Я бы начал с восхождения на Пайкс-Пик. Звучит заманчиво.

– Ты забыл, что это наш последний вечер?

– Ничего подобного.

Я закатила глаза, потом попыталась отыскать что-нибудь интересное на танцполе. Выбор был. Папа с дочкой – так, по крайней мере, выглядели эти двое, пока не слились в страстном поцелуе. Парень, который, похоже, не хотел успокаиваться, пока его по очереди не отошлют все присутствующие девушки. Женщина, с ног до головы одетая в черные тряпки с бахромой: она танцевала сама по себе, видимо мысленно солируя в бродвейском мюзикле.

– Это она еще только разогревается. – Тэйлор указал на нее горлышком бутылки. – Мы зовем ее Женщина-кошка.

– «Мы» – это кто?

– Я... и они, – Тэйлор кивнул в сторону парней, которые как раз приближались к нам.

Зик и Долтон покачали головами, как будто не верили собственным глазам.

– Офигеть! – сказал Зик. – Фэйлин, я в вас разочарован.

Парни полезли в карманы и протянули Тэйлору по двадцатке.

– А ты, оказывается, не засранец, – я посмотрела на него. – Ты хуже.

Зик обеспокоенно поглядел на своего друга:

– Куда уж хуже-то?

Тэйлор поднял руки, как бы сдаваясь. При этом ситуация, очевидно, казалась ему забавной.

– Если я с ними поспорил, это не значит, что на самом деле я не хотел, чтобы ты со мной пошла. К тому же разве я мог пропустить «замók»?

Я непонимающе помотала головой.

– Ах! – воскликнул Тэйлор. Теперь, когда пришли его друзья, он выпендривался еще старательнее. – Есть у кого-нибудь листок и ручка? Девушка из Лиги Плюща не понимает нашего диалекта.

– Точнее, твоего словесного поноса! – рявкнула я.

Рот Долтона изогнулся в полуулыбке. Тэйлор наклонился ко мне. От него пахло одеколоном, дешевым мятным гелем для душа и сладким табаком.

– Замок – это такой спор, который наверняка выиграешь, – сказал он тихим ровным голосом.

– Спасибо, – сказала я, вставая и направляясь к двери. – Мне пора.

Долтон и Зик, засуетившись, одновременно меня окликнули. В считанные секунды пальцы Тэйлора мягко схватили мои. Я замедлила шаг и остановилась.

– Ты права. Зря я это ляпнул.

Я развернулась, скрестив руки:

– С моей стороны было бы странно обвинять придурка в том, что он ведет себя как придурок.

У Тэйлора под кожей заиграли желваки.

– Я виноват. Но я просто прикалывался. И заморочить тебя оказалось совсем не легко.

Несколько мгновений я зло на него смотрела. Потом расслабленно выдохнула:

– Уже поздно. Утром мне на работу.

Плечи Тэйлора опустились под тяжестью разочарования:

– Да перестань! Время детское! И ты обещала выпить со мной «пару бокалов» – множественное число!

– Два стакана воды считаются?

– Давай потанцуем.

– Нет! – вырвалось у меня так громко и пронзительно, что я сама удивилась.

– Ой! – Тэйлор тоже был слегка огорошен. – Да ты успокойся. Это же просто танец. Я тебя даже за задницу хватать не буду.

Я помотала головой и попятилась.

– Но почему? – не отставал он.

– Я не умею танцевать... такое, – буркнула я, указав на пары, крутившиеся на танцполе.

– Тустеп? – рассмеялся Тэйлор.

– Именно.

– Считать умеешь?

Я сощурилась:

– Ты опять?

– Просто ответь на во...

– Да! Да! – раздраженно выпалила я. – Считать я умею!

– Значит, и тустеп танцевать умеешь. Идем покажу.

Тэйлор направился к танцполу и потянул меня за собой. Сначала я просто отказывалась, потом умоляла, но он все-таки вышел вместе со мной на прямоугольную деревянную площадку в середине зала. Я окаменела.

– Расслабься. Я сделаю так, что ты будешь смотреться хорошо.

– Мне не нравится музыка кантри.

– Она никому не нравится. Двигайся под нее, и все.

Я вздохнула. Тэйлор одной рукой взял мою руку, а другую положил мне на бедро.

– Клади вторую ладонь на меня.

Я осмотрелась. Некоторые мужчины держали своих партнерш за плечи, а не за талию. А некоторые женщины вообще слишком увлеченно описывали круги, чтобы кого-то за что-то держать.

– О боже! – пробормотала я, опуская веки.

Я предпочитала не делать того, в чем мне не был гарантирован успех.

– Фэйлин, – успокаивающе произнес Тэйлор.

Я открыла глаза и постаралась не заглядеться на его щеку с ямочкой.

– Я делаю левой ногой два шага назад. Ты шагаешь правой ногой вперед. Два раза. Ясно?

Я кивнула.

– Потом я делаю шаг назад правой ногой, а ты – шаг вперед левой. Один шаг. Считаешь так: «Раз-два, раз! Раз-два, раз!» Готова?

Я покачала головой.

– Это совсем не страшно, – сказал он, смеясь. – Слушай музыку, а я поведу тебя по танцполу.

Тэйлор начал. Я пошла за ним, считая про себя и стараясь повторять его движения. В танцах я была не совсем полный ноль. До тринадцати лет мне приходилось заниматься балетом. А потом Блер махнула на дочь рукой, решив, что никакие усилия не сделают меня грациозной.

Тустеп действительно оказался совсем легким, к тому же Тэйлор хорошо вел. После нескольких кругов по площадке он отпустил одну руку и покрутил меня. Снова встав к нему лицом, я не смогла сдержать улыбку.

– Было действительно не так уж плохо, – пропыхтела я, когда песня закончилась.

Заиграла следующая, побыстрее. Тэйлор потянул меня за собой:

– Давай еще.

Скоро у меня вспотела спина. А у Тэйлора показались капельки на лбу. На середине песни он еще раз меня крутанул, но, когда я описала круг, не повел дальше, а заставил покружиться в другую сторону. Через несколько тактов повернулся сам, и моя рука скользнула по его спине. Под конец мы опять перешли на двойные и одинарные шаги.

После третьей песни я уползла с танцпола к нашему столику.

– Классно танцуешь! – сказал Долтон.

– И я так думаю! – отозвался Тэйлор. Его глаза блестели. – Иду за пивом. Тебе принести еще воды?

– Да, спасибо.

Заметив, что я провожаю его взглядом, Долтон усмехнулся:

– Если ты ненавидишь этого говнюка, то зачем так на него смотреть?

– Привычка, – ответила я, наблюдая за тем, как Шей наливает воду в стакан.

– Черт подери! – сказал Зик Тэйлору, когда тот взял напитки и вернулся к нам. – Она

боится, что ты подсыплешь ей в стакан какую-нибудь дрянь.

– Seriously? – Тэйлор посмотрел на меня.

– Я тебя не знаю.

– Здесь что – часто такое происходит? – Зик слегка встревожился.

– Однажды было дело.

Тэйлор заскрипел зубами:

– Надеюсь, я никого на этом не поймаю. За такое дерьмо морду набить мало.

– Дело не в том, что она тебя не знает, – сказал Зик. – Просто ей нужен предлог, чтобы присматривать за тобой, когда ты с сексапильной барменшей.

– Я не с барменшей.

Зик отхлебнул пива и улыбнулся Шей:

– А я бы не отказался быть с ней.

– У нее имя есть, – вмешалась я. – Твой друг забыл, но я напредила. Ее зовут Шей.

Тэйлор безуспешно попытался изобразить на лице сожаление:

– Зато твое имя я помню.

– Какая честь для меня!

– Кончай вести себя со мной как с незнакомым. Ничего я тебе в стакан не подсыплю.

Чтобы затащить девушку в постель, мне никогда не приходилось никого опаивать, и сейчас я не собираюсь этим заниматься.

– И все-таки я тебя не знаю.

Тэйлор легко толкнул меня локтем:

– Ты знаешь, что я потрясающе танцую.

– Ты прилично танцуешь.

Долтон и Зик заржали.

Тэйлор, тоже рассмеявшись, уронил голову:

– Эта жестокая женщина еще и унижает мой хореографический талант!

Я сделала большой глоток холодной воды и поставила полупустой стакан на стол. Капли пота стекали по моей спине за пояс джинсов.

– Мне правда пора, – я провела запястьем по лбу.

Из колонок зазвучала новая песня. Все радостно зашумели и потянулись на танцпол.

Тэйлор взял меня за руку:

– Еще одну!

Я сжала губы, чтобы не улыбнуться:

– Хорошо, но это последняя. Мне завтра рано вставать.

– Договорились!

Тэйлор опять вывел меня с коврового покрытия на деревянную площадку и, покрутив, повел. Считая шаги, мы двинулись вместе со всеми против часовой стрелки. Пары кружились и смеялись. Если кто-нибудь ошибался, смех становился только веселей. К собственному удивлению, я быстро схватила основные движения и научилась предугадывать действия Тэйлора. Правда, ближе к концу песни он все-таки выкинул такое, чего я не ожидала: оттолкнул меня, потом, перекрестив наши руки, снова притянул к себе, а в следующую секунду я оказалась в воздухе, да еще и вверх ногами. Когда Тэйлор поставил меня на ноги и мы затанцевали дальше, я принялась давиться смехом, как ненормальная.

– Понравилось?

– Я даже толком не поняла, что произошло.

– Я тебя перевернул.

– Просто перевернул? – Я описала указательным пальцем круг. – В воздухе?

– Признайся, что у тебя никогда не было такого классного первого свидания.

Я запнулась и опустила глаза. Потом снова посмотрела на Тэйлора:

– Это не свидание.

– Ладно. Я угощу тебя ужином. Где сейчас можно поесть?

– Это не свидание. – Я замерла на месте. – Мы в лучшем случае друзья.

Тэйлор наклонился ко мне, задев кончиком носа мое ухо:

– Со мной это не пройдет.

Я попятилась: то, что я начинала чувствовать, очень меня тревожило. Я махнула рукой и попыталась уйти, но Тэйлор поймал меня за край кофточка.

– Фэйлин, да ладно тебе, – сказал он, отпуская руки. – Неужели ты серьезно? Нам же было весело!

– Было весело. Спасибо.

Я сошла с танцпола и, помахав Зику с Долтоном, стала проталкиваться к выходу. Выйдя на улицу, глубоко вдохнула теплый ночной воздух. «Сейчас появится, – подумала я и принялась считать: – Раз, два...»

– Фэйлин! – послышалось за моей спиной.

– Ты забыл, что обещал меня не провожать? – я подавила улыбку.

Глаза Тэйлора потемнели от разочарования, но ни один мускул в лице не дрогнул:

– Как вам угодно, Лига Плюща.

Я понимала, что рискую: парень мог разобидеться и больше никогда со мной не заговорить. На своем веку я повидала немало самовлюбленных засранцев, но Тэйлор Мэддокс превосходил их всех. На прощание я кинула ему кость: поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку. Когда я, секунду помедлив, отстранилась, Тэйлор потянулся за моими губами, на несколько миллиметров приблизившись к моему лицу. Я подалась назад. Мы посмотрели друг на друга: в его взгляде появилось что-то новое. Я не могла точно сказать, что именно, но он изменился.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – мягко ответил Тэйлор.

По пути домой я остановилась у светофора, чтобы нажать кнопку. Для вечера пятницы движение на Техон-Стрит было умеренное – так, по крайней мере, мне показалось. Вообще-то, в это время я обычно сидела на диване, поедая крекеры с сыром и листая бульварный журналчик из тех, какие Кёрби любила почитать на работе в периоды затишья.

Вдруг меня окликнули: ко мне подбежал Долтон.

– Что? – я приподняла бровь.

– Тэйлор пообещал, что не будет провожать тебя сам, но не обещал, что не заставит меня.

Еле сдерживая ликование, я покачала головой:

– Мне по силам перейти улицу самостоятельно.

– Тогда представь себе, что я просто иду в том же направлении.

Я вздохнула:

– С вами, пожарными, всегда так тяжело?

– А с вами, выпускницами Лиги Плюща?

– Из Лиги Плюща я выбыла.

– Но хуже от этого не стала, – улыбнулся Долтон.

Я улыбнулась в ответ. Загорелся зеленый, мы молча перешли дорогу и, пройдя мимо двух других кафе, оказались перед стеклянной дверью «Пилы». Я достала из кармана ключи и открыла замок.

– Ты живешь прямо здесь?

– Да, на втором этаже.

– Удобно.

– И дешево.

– Понимаю. Спокойной ночи, Фэйлин.

– Пока, Долтон. Была рада с тобой познакомиться.

Он кивнул и пошел обратно. Хотя бар «Ковбои» был через дорогу и чуть в стороне, я разглядела Тэйлора с Зиком. Стоя перед входом, они курили, болтали и то и дело поглядывали на меня.

Войдя в свое кафе, я сразу закрыла за собой дверь. Шторы в зале были задернуты, свет выключен. Я нашла в темноте лестницу, поднялась и сунула второй ключ в дверь своей квартирki. Замок щелкнул, я повернула ручку.

В пятницу по ночам, когда я лежала в постели, до меня всегда доносилось буханье басов из «Ковбоев». Сегодня, слыша эти звуки, я почувствовала то, чего не чувствовала раньше. Я достала свою обувную коробку и при виде обратного адреса, указанного на письмах, прослезилась. Может быть, скоро я буду в Эйкинсе. Это ощущение казалось мне до неправдоподобия странным: впервые после того, как я потеряла надежду, она снова затеплилась во мне.

– Заказ готов! – крикнул Чак в раздаточное окошко.

Когда он произносил эту фразу, его низкий голос звучал внушительно, как никогда. Была суббота, стоял шикарный теплый день, и хор голосов был громче обычного. Почти за всеми столиками сидели семьи с детьми. Младенцы кричали, двухлетний малыш бегал кругами, несколько подростков покатывались со смеху, склонившись над одним телефоном.

Ханна, старшеклассница, которая помогала нам в выходные, проверяла столики, порхая от одного к другому, как колибри по цветущему лугу.

– Ой! Извиняюсь! – воскликнула она, чуть не налетев на малыша: с тех пор как его привели, он только и делал, что путался у всех под ногами.

– Джек! – крикнула мать. – Иди сюда сейчас же!

Ребенок побежал к ней. Судя по улыбке на его физиономии, он понимал, что еще не совсем истощил ее терпение.

– Боже мой! – Ханна сдула с лица длинные пряди золотистых волос. – Сегодня сумасшествие, прямо как в праздник!

– Спасибо, что пришла, – ответила я, разливая холодный чай в четыре высоких стакана. – У тебя ведь по субботам волейбол?

– Ага. Через год я заканчиваю школу... Даже не верится! – Ханна вздохнула: – И что вы будете без меня делать следующим летом?

– Ты к нам не вернешься?

Она пожала плечами:

– Мама хочет, чтобы мы с ней все лето путешествовали. Потом я уеду в колледж.

– Будет здорово! – вежливо улыбнулась я.

– Врешь, ты так не думаешь!

– Есть немного... – призналась я. – Целое лето колесить с Блер – это было бы мучение.

Ханна сжала губы, секунду помолчала и сказала:

– Жаль, что ты не ладишь с родителями. Вообще-то, ты такая приятная!

Она не знала доктора Блер Фейрчайлд – вездесущую злую королеву, которой невозможно угодить.

– Моя мать взрывалась, если видела край брючины, торчащий из корзины для белья. А когда мы приходили куда-нибудь, где была очередь, становилась еще невыносимей обычного. О том, чтобы водить меня в парк на карусели, даже речи не шло. Ну а за тебя я рада. Со своей мамой ты действительно хорошо отдохнешь.

Ханна улыбнулась, но внезапно улыбка сползла с ее лица:

– Черт! Надо взять деньги у Эштонов. Пришел Джон Делейни со своей малышкой.

– Привел всех пятерых? – я обернулась.

Джон был нагружен двумя креслами-переносками, в которых лежали его сыновья-близнецы. Мари, держа на руках трехлетнюю дочь, нагнулась и что-то сказала двум девочкам школьного возраста.

Раньше Джон тренировал школьную женскую команду по лакроссу, а теперь работал продавцом в автосалоне. Сейчас его внимание было полностью поглощено детьми. Я сделала над собой усилие, чтобы не смотреть в их сторону слишком долго.

– Ух ты! – вырвалось у меня. – Ну Мари дает!

– Говорят, несколько лет назад, перед тем как он перестал работать тренером, они чуть не развелись, – сказала Ханна.

– Не знаю. Я не слушаю сплетен.

Широко улыбаясь, моя напарница понесла за восьмой столик счет в черной кожаной книжечке. Я сложила в вазу лимоны и направилась с напитками к столику номер двенадцать.

– Вы что-нибудь выбрали? – спросила я, готовя блокнот и ручку.

– Фэйлин, как поживает твой папаша?

Я взглянула на Брента Коллинза: парень явно задал этот вопрос с дальним прицелом. Он работал инструктором в соседнем фитнес-клубе, и в нем было трудно узнать моего одноклассника – пухлого коротышку, пожирающего шоколадные батончики.

– У отца много дел. Попробуй жареную индейку. Она сегодня получилась просто великолепно.

– Я не ем мясо. Давай лучше капустный салат. А что у тебя произошло? Ты ведь вроде училась на медицинском?

– Не совсем.

– Так ты не ездила в Дартмут?

– Ездила. Ты, значит, теперь вегетарианец? Тогда яйцо в салат не класть? Какую хочешь заправку? Федра готовит потрясающий зеленый соус с вегетарианским майонезом.

– Идет. Дасти, ты слышал, что Фэйлин ездила в Дартмут?

Дасти кивнул, потягивая чай. Оба парня были с девушками. Все в этой компании закончили школу либо со мной, либо на год позже.

– Красивое колечко, – сказала я Хилари.

Она похлопала Дасти по руке:

– Он у меня молодец, правда?

– Само собой, детка, – улыбнулся Дасти и посмотрел на меня. – Она не знает, что слишком хороша для меня, и я решил надеть на нее кольцо, пока она не опомнилась.

– Правильно, – отозвалась я, ненатурально улыбаясь.

После двух чизбургеров с беконом и двух капустных салатов я отнесла к раздаточному окну листок с новым заказом, а заодно забрала и подала гостям закуску для столика Ханны. Ханна меня поблагодарила.

Мне нравилась эта девушка, но я ее почти не знала. Она еще училась в школе, и нас разделяла пропасть: перед ней были открыты все дороги, а я бежала от всего, что связано с будущим – особенно стабильным.

– Я посадила людей к тебе за третий столик, – сказала Кёрби, беря за барной стойкой несколько экземпляров меню.

– Ну слава богу! – прошептала я, поднимая глаза и с трудом сдерживая довольную улыбку.

Федра положила передо мной новую стопку ламинированных листков, протертых влажной тряпкой:

– Хорошо вчера повеселилась?

– Он из Эйкинса, штат Иллинойс.

– Что? – моргнула Федра.

– Тэйлор. Он из Эйкинса.

– Ты ему сказала? – спросила моя хозяйка, побледнев.

– Нет конечно. – Я наморщила нос.

– Сказала о чем? – заинтересовалась Кёрби.

– Это личное, – отрезала Федра. – Фэйлин сама поделится с тобой, если захочет. Не приставай к ней.

Кёрби расширила глаза и подняла руки:

– Ладно, ладно!

– Ерунда, – сказала я.

Моя подруга поглядела на третий столик, потом опять на меня:

– Они просили, чтобы их обслужила именно ты.

– Хорошо.

Дождавшись, пока парни усядутся, я направилась к ним.

– Фэйлин! – позвал меня Brent.

Я остановилась:

– Извини, я сейчас вернусь и подолью вам чаю.

– Что у тебя случилось в Дартмуте? – не унимался он. – Твоя мама сказала моей, что тебя выгнали. Это правда?

– Brent, перестань, – нахмурилась Хилари.

Слова застряли у меня в горле. Я уже успела отвыкнуть от расспросов о прошлом.

– Нет, я сама уехала.

– Почему?

Я сглотнула.

– Оставь ее в покое, – вмешался Джон, обернувшись.

Его щеки моментально вспыхнули. Brent состроил мину:

– Тренер Делейни! Забавно видеть вас здесь!

Джон взглянул на меня и повернулся к жене, которая возилась с малышами. Этого эпизода она не заметила. Федра взяла меня за плечи и улыбнулась Brentу:

– Я могу принести вам счет прямо сейчас, если вы торопитесь.

– Н-нет, спасибо, – промямлил Brent. – Мы только... Извините, я был невежлив. Все в порядке, мы останемся.

Обе девушки явно на него злились.

– Прекрасно! – сказала Федра и ушла.

Я закусила губу и вернулась в бар. Меня слегка мутило. В это время Долтон, Зик и Тэйлор, держа каски на коленях, изучали меню. Ламинированные листки опять были заляпаны жиром и потом.

– Мама говорит, что сначала мы поедем в Йеллоустоун, – сказала Ханна, надевая крышечки на маленькие чашки для детей Делейни. – Мы там уже сто раз были, но она все равно настаивает, чтобы мы начали оттуда. Вот так вот. Я хотела бы проехать по всему западному побережью до самого Лос-Анджелеса.

– Ты там была? – рассеянно спросила я, глядя на троих чумазых парней у окна.

Похоже, я покорила не только Тэйлора, но и его друзей.

– Нет, – ответила Ханна. – А ты?

– Была, – я вспомнила свою единственную поездку в Лос-Анджелес. – С Блер.

– Видишь! Значит, с ней все-таки можно путешествовать.

– Она приезжала на медицинскую конференцию, а я целый день просидела в отеле.

Видимо, она взяла меня с собой только сумки таскать.

– Да уж! Звучит... так себе. Зато, если ты заболела, было кому о тебе позаботиться.

Твоя мама ведь врач, да?

– Кардиохирург. Входит в пятерку лучших по стране.

– Ух ты! Классно!

– Она классный врач – это да.

– Хотя бы так. Уже кое-что.

Я скривилась. Блер одинаково не любила две вещи: пыль и людей, которые слишком много болтают или слишком счастливы. Она терпеть не могла, чтобы кто-то, у кого нет докторской степени, смотрел ей в глаза как ровне. Поэтому она и стала хирургом: если хирург лучший в городе (а моя мать была лучшей), то его манеры не имеют значения. Главное, чтобы починил сломанное.

И все-таки была одна человеческая жизнь, которую Блер сломала и починить уже не могла.

– Фэйлин? – окликнула Кёрби. – За пятым столиком просят счет.

– Ой! Сейчас.

Я дотронулась до сенсорного экрана, распечатала чек, оторвала его и, вложив в черную книжечку, отнесла за стол, где сидела семья из четырех человек.

– Большое спасибо, – улыбнулась я, беря деньги. – Приятного дня.

Обойдя остальных своих клиентов и наполнив несколько стаканов, я наконец подошла к третьему столику:

– Привет, мальчики. Вам то же, что в прошлый раз, или попробуете что-нибудь новое?

Они синхронно кивнули.

– То же, – сказал Долтон. – После твоей вишневой колы я магазинную в рот не возьму.

– Сейчас принесу, – ответила я и развернулась.

Стараясь обслуживать третий столик, как обычных посетителей с улицы, я вернулась в бар и приготовила две колы.

– Спасибо, – сказал Долтон, когда я вернулась с напитками на подносе.

Зик отхлебнул и блаженно замычал.

– А Трекс с вами больше не ходит? – спросила я, стараясь не смотреть слишком часто на Тэйлора.

Парни переглянулись, после чего Тэйлор ответил:

– Трекс не из нашей бригады, мы встретили его в гостинице.

– Ясно. Так вы готовы сделать заказ? Или попозже подойти?

Зик, прищурившись, заглянул в меню:

– У вас целый день завтрак подают?

– Да.

– Что такое крейп?

– Это очень тонкий блинчик. Федра готовит их с мягкой шоколадно-ореховой начинкой, а сверху посыпает сахарной пудрой и поливает шоколадом.

– Тогда я это и буду.

– А мне сэндвич-рулет с курицей, – Долтон подал мне меню.

Зик последовал его примеру.

– А тебе что принести? – поколебавшись, обратилась я к Тэйлору.

Опустив свой экземпляр меню, он посмотрел мне прямо в глаза:

– Я хочу еще потусоваться с тобой.

– Что, прости?

На секунду я замешкалась, припоминая, нет ли у нас блюда под названием «Второй шанс». Тэйлор откинулся на спинку стула и вздохнул:

– Я помню: я обещал больше к тебе не приставать. Но тогда я думал, ты просто играешь недотрогу. Я не знал, что ты на самом деле такая недостижимая.

– Я не... недостижимая. Просто я здесь живу, а ты... приезжий.

– У тебя есть парень? – Зик улыбнулся.

– Нет.

Долтон хлопнул Тэйлора тыльной стороной ладони по плечу. Тот метнул в него смертоносный взгляд и уронил меню на стол.

– Когда я говорил, что не стану приглашать тебя во второй раз, я на самом деле этого не имел в виду.

Я приподняла бровь:

– То есть ты не собирался выполнять свое обещание?

– Нет, – подумав немного, ответил он. – Беру его назад.

– Так не пойдет, – я состроила гримасу. – По-твоему, я соглашусь еще раз пойти на свидание с бродягой, который сначала обещает, а потом отказывается от своих слов?

– Ты признала, что у нас было свидание! – воскликнул Тэйлор, и по его лицу расплылась улыбка Чеширского Кота.

Из-за контраста с грязью на коже зубы казались особенно белыми.

– В кафе сегодня много гостей, – сказала я.

– Знаю. Ты просто подумай над этим.

Я посмотрела в потолок, потом опять на Тэйлора и, нацелив на него ручку, ответила:

– Нет. Тебе тоже куриный сэндвич-рулет?

Улыбка исчезла, плечи опустились.

– Удиви меня чем-нибудь, – предложил он, сложив руки.

– Это запросто.

Я забрала у него меню и пошла на кухню с заказом.

– Тот парень опять зовет тебя на свидание? – спросил Чак.

– Я сказала «нет».

– Садистка! – Чак покачал головой.

– Он хочет только потусоваться. Сердце у него не разбито – ничего такого.

– Если парень тебе не нравится, то почему ты смотришь на него так, словно вот-вот не выдержишь и захихикаешь, как школьница?

– Он из Эйкинса, – сказала я просто.

– Из Эйкинса? Из того, который в Иллинойсе?

– Да, – я закусил губу.

– Он знает?

– Нет, не знает. Федра задала мне тот же вопрос. С чего бы я стала всем рассказывать?

– Я просто спросил, – пожал плечами Чак. – Знаешь, Фэйлин, я уже предлагал...

– Нет, Чак, я не возьму у тебя денег на дорогу до Эйкинса. Вы с Федрой и так делаете для меня слишком много.

– Сколько тебе не хватает?

– Я почти скопила. Только каждый раз, когда деньги набираются, происходит что-то непредвиденное.

– Как тогда, когда ты помогла Питу купить шины?

– Ага.

– А потом заплатила за билет для Кёрби?

– Ага.

– А в позапрошлом году ты попала в больницу.

– Было дело.

– До сих пор не расплатилась за лечение?

– Расплатилась пару месяцев назад. Спасибо.

– Зря ты не позволяешь нам тебе помочь. Ты ведь и сама помогаешь людям. Это важно.

– Да. Поэтому я и хочу справиться сама.

Я глянула в сторону третьего столика. Тэйлор тоже меня высматривал. На секунду мы встретились глазами.

– Ну или хотя бы в основном сама.

– Парень разозлится, когда узнает, что у тебя на уме, – сказал Чак, возвращаясь к приготовлению супа.

– Мне и самой противно, – вздохнула я.

– Хорошо. Значит, у тебя хотя бы есть совесть.

Я опустила глаза: с каждой минутой мне становилось все более скверно. Недавнее приподнятое настроение сменилось чувством вины.

– Федре пошла в заднюю комнату?

– Готовит чизкейки, – кивнул Чак.

– Понятно.

Это означало, что увижу я ее не скоро. Делейни попрощались с Кёрби и стали собираться. Мари взяла младенцев, чтобы Джон мог управиться с трехгодовалой. Он взвалил ее на плечо, а она принялась, крича, неистово дрыгать ножками.

– Я усыновлю сразу десятилетнего, – сказала Ханна, наблюдая эту сцену.

Через стекло было видно, как Делейни подошли к машине, которая стояла под углом к тротуару. То ругая дочку, то уговаривая, отец еле-еле усадил ее в детское креслице.

– Да, – рассеянно согласилась я.

Джон пристегнул девочку, а потом похлопал себя по карманам джинсов и, что-то сказав жене, вернулся в кафе.

[Купить полную версию книги](#)

Около 175 см. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Перевод В. Кормана.